ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО
ВОЛЬНОЕ КОЗАЦТВО

10 Listopadu 1933. **Volné Kozáctvo** Ročník VI.

140

10-го ноября 1933 г. 10-го листоп. 1933 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой РІК ВИДАННЯ 6-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. П. Поляков: *⁎* (Verše).
2. Т. Стариков: Никанорыч. (Nikanoryč).
3. П. Крюков: *⁎* (Verše).

4. Трагедия Казачества (Tragedie Kozáctva).
5. В. К. Байда: Джигиты. (Džigity).
6. И. Г.: Албазинцы. (Albazinci).
7. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
8. Де-що „Розбудові Нації" (Něco „Rozbudové Nacii").
9. П. Поляков: Казачьи фельетоны. (Kozacké feuilletony).
10. А. Лебедкин: Ширмы ген. Богаевского. (Španělská stěna gen. Bogajevského).
11. Наполеоновскій конгресс в Праге. (Napoleonský kongres v Praze).
12. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
13. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Лион. — С. Н. Ответ будет после. Привет.
Белград. Н. Б. — Письма „неизв. солд." не помещаю, т. к. считаю, что трусам, боящимся подписаться под своей клеветой, отвечать не стоит. Привет.
Виши. — В. Ф. — Стоят ли они того, чтобы пачкать ими страницы журнала? — Привет.
Белград. — Н. Д. — Исполнено. Привет.
Париж. — А. Д. — Получено. Привет.
Тулуза. — С. Т. — Отвечу письмом. Привет.
Бельгия. — Н. Б. — Спасибо. Привет.
Бурастель. — Г. Б. — Исполнено. Привет.
Италия. — Н. П. Постараемся исполнить. Привет.
Берлин. — И. О. Все получено. Привет.
Бухарест. — С. М. — Получено. Привет.
София. — А. К. — Получено. Привет.
Тулуза. — Е. Я. — Получено. Привет.
Белград. — П. К. — Посылается исправно. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:
В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **И. И. Безуглов.**

В РУМЫНИИ:
В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz

В ПОЛЬШЕ:
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

В БОЛГАРИИ:
П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

ВО ФРАНЦИИ:
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
С. Чепурной: M-eur Tchepournoï, Vichy.
Ив. Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:
А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:
С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:
И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:
Г. А. Ковловский. Berlin.

Казачья — наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsíce).

Редактор: инж. **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 140 *Пятница, 10 ноября, 1933 = Пятниця, 10 листопада, 1933.* *№ 140*

Павел Поляков. *(Белград).*

ЭТО БЫЛО В МИРЕ НЕ НАШЕМ...

Это было в мире не нашем...
Это было в мире ином...
Четверо... выпили чаши
С отравленным вином.

Они пели красивые песни
О том, что нужно любить,
Что, любя, веселей и чудесней
В этом мире умирать и жить!

И о правде они песни пели,
И о том, что правда — для всех!
И что выгнать пса на мятели
И убить человека — грех!

Что нельзя по смрадным лачугам
Целый век одним только жить.
— Назовите же каждого другом!
Будем слово Божье любить...

Ничего никогда не отнимем
И силой ничто не возьмем.
Только добрыми... только такими
Мы счастливую жизнь проживем.

Хоть никто Четырех не слушал,
Уходили, смеясь от них, —
Но под солнцем искрились лужи,
И в листве соловей затих.

И тогда Четыре решили:
— Завтра вместе песню споем,
Чтобы песня осталась в мире!
Завтра, вместе, Четыре... умрем!

Это сбылось в мире не нашем...
Это сбылось в мире ином...
Четверо... выпили чаши
С отравленным вином...

И люди на них глядели,
И люди понять не могли...
— Для чего ж они песни пели?
И за что же они умерли?

А потом их песни взяли
И стихов нехитрый узор
Друг другу, дивясь, читали,
Разжигая радостный взор.

И один из читавших увидел
И другому сказал: — Гляди...
Помнишь, я тебя обидел?
Брат мой, друг мой, прости!

И люди тогда узнали,
Как ярко слова звенят,
Коли певшие... кровь отдали
За стихов ритмический ряд!

И, подняв полные чаши,
Радостно веря — есть добрый Бог
В мире лучшем, в мире не нашем, —
Пили люди в честь Четырех.

Это было в мире не нашем...
Это было в мире ином...
Четверо... выпили чаши
С отравленным вином.

Терентий Стариков.

Никанорыч.

Темная ночь. Умерли звуки... Золоченым шаром выкатилась из-за гор луна и медленно поплыла по небу. В разбежавшейся тьме заблестела широкая лента Дуная. На средине замаячил неясный силуэт лодки.

Раздался голос:

— Братушки, нажать!., На мель сядем. Дунай тут всегда с ума сходит.

Взмахнули весла. Быстрее поплыла лодка. В лодке сидели рыбаки. Это были Донские казаки, заброшенные судьбой в чужую страну. С ними был хозяин лодки и невода, серб Душан.

Казаков Душан любил и уверял, что лучше их никого нет на свете. — Как не любить их, — рассказывал он, — захватили они меня под Галичем в плен, думал — убьют, кожу с живого сдерут, с'едят... Разное ведь о них говорили. Ан нет, смотрю — люди, как люди. Значит, врали, думаю. А все-таки боялся здорово. Первые дни шел в толпе пленных ни жив, ни мертв. Измучился и есть хочу так, что кожа болит. Стал отставать от партии, иду — качаюсь. И вдруг, братушки мои, конский топот, коршуном налетает на меня казак, конь под ним — черт. Пропал, думаю. Каленым желе-

зом прожгла мне плечо плеть. Подкосились ноги, хочу бежать — не могу. Посмотрел на меня казак, что-то сказал, покачал головой, достал из сумки кусок хлеба, дал мне и поскакал дальше...

Душан добавлял:

— Вот с этих пор люблю я вас, братушки. Справедливый народ, потому что... не отставай — может, бежать хочешь... А увидал, что сил нет, — отдал последний кусок хлеба. Так-то...

Когда казаки, как изгнанники, появились в Банате, Душан пригласил их ловить рыбу. Жили казаки на берегу Дуная, под высокой вербой, у села Паланки. Старшим почитался Зиновий Никанорович или просто — Никанорыч, как его звали казаки. В бытность свою на Родине, на Тихом Дону, он был станичным атаманом, в молодости окончил окружное училище. Казаки признавали его за человека „с понятием" и охотно подчинялись ему.

... Быстриной шибко несло лодку.

Сидя на ее носу и всматриваясь в приближающийся берег Дуная, Никанорыч изредка бросал из-под густых бровей внимательный взгляд на приближающийся остров, что раскинулся овалом посеред Дуная.

И остров, и берег Дуная были покрыты высоким лесом, черневшим в ночи, а за ним, вдали, чуть виднелись расплывчатые контуры гор.

— Прямо-таки — батюшка наш, родимый Дон, — думал Никанорыч, — все то-же: и лес, и горы, и рыба, а все-таки не то...

Поплескивая веслами, казаки, каждый по своему, думали о том-же: о Тихом Доне, что в эту же лунную ночь средь широких степей режет путь свой к морю... О засыпающих в ночной тишине станицах... Об оставленных семьях...

А Душан, у руля, думал о своем. Чаще и чаще он бросал взгляды на остров и время от времени погружал весло в воду, и когда оно стукнулось о дно, требующим голосом проговорил:

— Нажать, братушки! Прет, как черт; возись потом...

Взмахи весел стали шире, всплески воды сильнее.

— Эх, застрянем, — пробурчал низким грудным басом Никанорыч, — дай-ка весла, Александр.

Ближайший гребец уступил место.

Под могучими ударами богатырских рук лодка рванулась вперед, качнулись рыбаки.

— Да тише, весла сломаешь, — шутливо-строго проговорил Душан.

— Вот те и раз! Не угодишь... То сильнее, то тише, — октавой пророкотал Никанорыч.

Где-то шуршала вода о песок. В лунном свете серебрился Дунай. Лодка благополучно обогнула выдвинувшуюся далеко вверх по течению песчаную косу острова и вошла в протоку между ним и берегом Дуная. Здесь течение было еще сильнее. Сжатая поворотом реки вода, бегущая по каменистому мелкому дну, шумела, как ливень в лесу. Лодку подхватило и, как перышко, понесло вниз по течению

— Ого-го! — придушенным басом выразил свое удивление Никанорыч.

— Да-а-а, — отозвался Душан, — быстрина тут, братушки, — не дай Бог, но зато стерляди много. Удержим невод, — будем с рыбой; не удержим, — и на погляденье не поймаем.

— Удержим, — ударяя веслами и оглядывая казаков, проговорил Никанорыч, — такие молодцы да не удержат?!.

Душан повернул лодку носом на воду и сказал:

— Поглядим. Дунай крепко стережет свою рыбку. В прошлом году у десяти сербов невод вырвал да так скрутил, что к утру насилу разобрали. Снесло их километров за пять отсюда... Так без рыбы и уехали.

— Ну, так то-ж сербы, — усмешливо отозвались в лодке.

— Да, но десять, а нас шесть...

Лодка подошла к берегу, плеснула волной, ткнулась о песок носом и стала.

— Ну, высыпайся, братушки! — крикнул Душан. — Никанорыч, бери шнур!

Три казака прыгнули на берег. Никанорыч взял конец веревки и с силой толкнул лодку. Под взмахи весел птицей понеслась она на средину протоки. Мягко падали в воду пучки невода, оставляя кривую линию поплавков.

Описав широкий полукруг, лодка направилась вновь к берегу и вскоре стала. Рыбаки выпрыгнули из нее и потянули нижний шнур. Медленно сужался полукруг поплавков, подходя своими концами к берегу. Шла ожесточенная борьба между Дунаем и рыбаками. Дунай рвал из рук невод и тянул его вниз. Рыбаки напрягали все силы, чтобы вытянуть его на берег.

Верхний шнур дрожал, как натянутая струна, и резал руки.

— Ху-у... вот это прет... вот это я понимаю... — гудел Никанорыч.

Казаки еле держались на ногах.

Концы поплавков подошли к берегу и замкнули выход из невода. Испуганная рыба, серебрясь чешуей, стала прыгать через верхнюю посадную.

— Держи, братушки, держи! — кричал оживившийся Душан, — унесет, держи!..

— Держим! — крякнул отрывисто Никанорыч. И сам он, и его товарищи выбивались из последних сил.

— Эх, — простонал Душан, — не вытянем одни. — Братушки! — крикнул он верхней группе, — помогите!..

— Бегите оба туда.

— Что ты, Никанорыч, что ты! — запротестовали казаки.

— Идите! — прерываясь от натуги, грозно повторил он.

Казаки побежали вниз.

Рыба прыгала, плескаясь, падала в воду. Возбуждение рыбаков росло. Не жалея сил, не щадя рук, они старались вырвать невод у бурлящего Дуная.

— Что вы сделали! — завопил Душан, увидев бегущих к нему на помощь казаков. — Как вы могли оставить его одного! Ведь его унесет Дунай!

— Говорит, удержу, — хватаясь за шнур, отозвались казаки.

— Справлюсь!.. — донеслось сверху.

— Вот черт, — изумился Душан.

А Никанорыч, откинувшись назад и опоясав себя шнуром, грузно, тяжело подвигался шаг за шагом вперед за плывущим вниз неводом. Ноги зарывались, упираясь, в песок. Катился градом пот. Все тело дрожало от чрезмерного напряжения.

— Ха-кха, — откашливался. — Вот это я понимаю, вот это та-а-к! — А сам все ниже откидывался назад, все глубже уходили в песок ноги.

Невод на берегу. Заблестела, запрыгала рыба. Шумно бросились к ней казаки. А Никанорыч, тяжело дыша, шатался, как пьяный, и медленно растирал помятые шнуром бока и руки.

— Да ты не человек, а слон, — остановившись перед Никанорычем, удивленно говорил Душан, — тебя в цирке показывать надо.

— То-ли было... Что сейчас! Ведь меня и половины не осталось...

— Что?!. Половины не осталось? —

В удивлении перед нечеловеческой силой Никанорыча стоял Душан, не двигаясь с места, пока тот сам не напомнил ему о работе.

... Еще два раза забросили невод казаки и усталые, с богатым уловом, поплыли к Паланке.

На востоке загоралась заря, окрашивая Дунай в бледно-розовый цвет. Все отчетливей и отчетливей вырисовывались очертанья прибрежных лесов, медленно выплывали из тьмы контуры отдаленных гор. Лодка плыла быстриной. Еле шевелили веслами гребцы. Никанорыч сидел на носу и глубоко затягивался папиросой.

— Слушай, братушка, — обратился к нему Душан, — ты сказал, что у тебя и половины сил не осталось. Куда-ж ты задевал остальную половину?

Смуглое лицо серба сложилось в просящую улыбку. Удивленно светились глаза.

— В гостях у Сатаны был, — делая ударение на каждом слоге, гневно пробасил Никанорыч.

Докуренная папироса с силой полетела в воду. На щеках отвердели мускулы от стиснутых с силой зубов. Задергался правый ус. Видно было, что тяжелы были воспоминания казаку.

— Как так... у Сатаны?

Удивление Душана росло.

— Так, — пробасил задумчиво Никанорыч.

— Расскажи! — просительно глянул Душан.

— Не хочется, брат, вспоминать... Да и не поймешь ты ничего в нашем деле. Ведь у вас тут совсем другое: и жизнь другая, и люди другие...

— Пойму, ведь я во время плена и на Дону побывал.

Никанорыч помолчал, закурил другую папиросу и, глубоко затягиваясь, медленно узкой струей выпускал дым. На лбу залегли складки.

— Видишь ли, начал он, — у нас жизнь особенная, ни на чью другую не похожая. Долго пришлось бы рассказывать, чтобы ты понял. Всю жизнь казачий народ провел в борьбе за право жить вольным. Добро свое отстаивал. А казачье добро в чем? В воле и в собственной, кровью политой земле. Москва теснила нас... Царь отнимал волю... Вот и боролись. Много сложили голов, много пролили крови...

Слыхал о русской революции? Ну так вот... Думали казаки, что с приходом свободы вернется и их воля. Обрадовались, ликовали. Восстановили старый Круг, выбрали атамана и стали строить новую жизнь, вольную, по старым казачьим законам. Думали, что и русский народ будет делать то же самое. Но ошиблись. Вместо равенства и братства русские люди залили свою землю кровью. Залили кровью и наши Края.

Одни хозяева на Москве сменились другими. И как в старину Петр, так и ныне большевики, двинули на наши земли огромные полчища. Начался великий грабеж. Русские люди потеряли совесть, забыли Бога. Вчерашние рабы стали тиранами. Придушенная русская натура вышла на простор, и оказалось, что в ней хранился не Бог, как они утверждали, а сам сатана.

Хлынула Русь на казачьи земли, на готовое... Поверили им сначала казаки, поверили в обещанную свободу, равенство и братство. Да и усталось помогла. Ведь только закончилась Великая война. Не хотелось казакам начинать новой бойни. Захватили русские распоясавшиеся хамы нашу землю и стали хозяйничать... И как хозяйничать!

Однажды ночью ворвались ко мне наши станичные большевики из иногородних, связали меня по рукам и ногам, отвезли в соседнюю станицу и бросили в тюрьму.

Много я передумал дорогой, пока везли, и не придумал, как вырваться из цепких рук да крикнуть на всю степь:

— Вставайте казаки! Гибель идет! Беритесь за оружие, бороните землю, кровью казачьей политую, кровью казачьей добытую!

... Три дня мне в тюрьме не давали ни есть, ни пить, а на четвертый бросили в окошко несколько селедок... Ни воды, ни хлеба не дали. Два дня мучили так. Скрежетал я зубами, бился головой о стену... А они...

Никанорыч обвел горящими глазами лодку, глянул по Дунаю на приближающуюся Паланку, на голубеющее небо и низким гудящим басом прибавил:

— А они... хохотали! — И умолк.

Лодка подошла к берегу. Выпрыгивая последним на берег, Душан проговорил:

— Вечером приду, доскажешь?

— Приходи, — отозвался Никанорыч, неся к вербе невод.

Солнце близилось к закату. Под высокой вербой казаки чинили снасть. В стороне варилась уха.

Пришел Душан. Вечеряя, он вопросительно уставился на Никанорыча:

— Ну?..

— Что? — отозвался тот.

— Слушать пришел.

Никанорыч отложил ложку и вытер со лба пот.

— Вот как вспомнишь, что было, — жарко становится, — отрывисто произнес он. — Пять дней мучили меня, пять дней ничего, кроме селедки, не давали. С ума, думал, сойду. Большевики каждый день уводили партиями казаков на расстрел, а меня зачем-то берегли. Должно быть, считали важным преступником. Атаманом станичным был... Дали еще селедку и четверть стакана воды. Пить захотелось еще больше. Стал мутиться рассудок. Все мысли, вся жизнь, все чувства — в одной капельке воды. У меня горело все тело, все нутро; казалось, горела сама душа. Я думать не мог. Воды, только бы воды.

И вдруг меня словно прорвало. Гнев мой дошел до конца. Терпение кончилось. Я как заору на всю тюрьму:

— А-а-а!..

Стекла задрожали.

— Сволочи!.. — А сам бью кулаками в дверь. Ходуном все заходило. Сбежалось рванье.

— Чего орешь?

Винтовочные дула заблестели у окошка... Полупьяные раскрасневшиеся лица заглядывали ко мне.

— Расстреляйте сейчас-же, сию минуту, или дайте воды!

— Ха-а! — ха-ха... Белый дьявол! Не нравится? Ха-ха-ха, — скалятся рожи. А я ору и еще сильнее стучу.

— Тише, черт, зарежем!

— Режьте!..

В этот момент откуда ни взялся их главный начальник.

— Тише, — шепчут они мне в окошко, — товарищ Волков пришел.

— А мне что за дело! — и еще сильнее бью в дверь.

Открывается дверь, и ко мне входит наш станичный портной. Френч, пулеметные ленты крестом, два револьвера. Узнал... Как не узнать! Всего месяц назад мундир у него заказывал.

— Ты что буянишь? — спросил он сердито. А я так заскрипел зубами, что он со всеми пулеметными лентами попятился к порогу.

— Дать ему воды и хлеба, — крикнул он, повернулся и ушел.

Дали. Три недели просидел я в тюрьме, и вот тутто, Душан, я понял, в какого дьявола может превратиться обнаглевший хам; понял, каким зверем станет человек, если у него отнять Бога и закон.

В тюрьме с утра до вечера и ночью шла брань. Да какая! Мы, степные жители, ничего подобного не слыхивали. Меня, с измученной душой и телом, и то бросало в жар и холод. Гнусными словами сопровождали они имя Бога, Христа, Богородицы.

Раз я не вытерпел и закричал в окошечко:

— Эй вы, черти, не сметь кощунствовать!

А в ответ:

— Го-го-га-а...

— Ах вы... Русь Святая... Богоносица!..

— Го-го-го... Кадет проклятый. Мать твою... Бога... Богородицу!.. Пулю получишь! — А на другой день дали опять одну селедку, без воды и хлеба.

Расстрелы казаков продолжались. Увидел я раз, как выводили их, несчастных, из тюрьмы, не выдержал и закричал в окошечко окружавшей их вооруженной толпе:

— Эй вы, шпана! Вы же обещали свободу, равенство, братство, обещали рай на земле. А теперь что делаете? Скоты! Мразь!.. И откуда вы появились, в каких норах раньше сидели?

— Молчи, собака, — кричит один, а другой подбежал к окошечку, направляя в камеру ружье.

— Долго ты будешь разговаривать, — кричит, — убью!

— Да пристрелите его, крикнул кто-то...

По корридору топот ног. Приклады стучат. Застучали у моей двери. Открываются со скрипом двери. Обступили меня. Зверь на звере! Связали мне руки и повели на расстрел...

А мне было все равно. Онемела душа.

Поставили меня вместе с другими у вырытых ям и начали по одному расстреливать. Стало-быть, думаю, отмучился. Пришел мой конец...

Подошла очередь ко мне, но меня не тронули, а отвели в сторонку и говорят:

— Полюбуйся, как мы с вашим братом разделываемся. Мы хозяева на Дону, а не вы, казаки! Наше теперь право! Что хотим, то и делаем!!!

А у меня аж слезы на глазах... Один за другим падают в ямы пристреливаемые казаки.

— Вот вам ваше казачество! Вот вам ваша земля! Вот вам девятьсот пятый год!.. В Бога!.. в гроб!..

— Да скорей уж со мной-то кончайте, — кричу я.

— С тобой другой будет разговор.

Кончили расстреливать, подвели меня к яме и скинули на трупы. Земля посыпалась. Живого вместе с расстрелянными засыпают, а из расстрелянных многие еще ворочаются. Я вот и сейчас без ужаса не могу вспомнить кусок чьей-то бороды и внимательный глаз, глядевший на меня из груды тел...

— Боже, Боже, — шептал Душан.

— Засыпали меня наполовину, а старший кричит:

— Довольно! Мы его в другой раз кончим.

Вытащили меня из ямы, привели в тюрьму и, толкнув в дверь, сказали:

— Будешь орать — язык отрежем, уши, нос, пальцы поотрубаем.

Опять потянулась та-же жизнь, с ругней по коридорам, с пьяными криками.

На другой или на третий день в соседней комнате топотня, хохот и холодящие душу крики женщины. Что, думаю, такое?

Три дня продолжалось так.

... Насиловали шестнадцатилетнюю казачку Катю. Знал я ее. Хорошенькая девчушка была. Отец ее богатый казак был. Чем он кого разобидел, — не знаю, только пришли к нему красноармейцы и поставили к стенке, расстреливать. И когда один из них навел на старого Ивана Карповича ружье, сын его Костя, мальченок, ударил красного чекмарем по затылку... Зверьем кинулись красные, били нещадно, разыскали сестру его Катю и всех бросили в тюрьму. На другой день, на глазах детей, расстреляли отца, а на глазах Кости три дня под ряд гурьбой насиловали сестру, пока оба не сошли с ума. Потом их... добили.

Никанорыч умолк.

Алый закат давно бросил на Дунай красноватый отблеск. Стали заволакиваться мглой горы и отдаленные леса. Повечерявши, казаки, подкинули дров в костер и расположились вокруг него, окуриваемые дымком, чтоб комары не кусали. Все внимательно слушали. У Душана в глазах был ужас.

— Вспомнил обо мне Бог, — продолжал Никанорыч. — Пришла ко мне в тюрьму Маша Галкова. Отец ее был мне большой друг. С самого начала он пошел в коммуну, какое-то видное место у них занимал и пользовался большим доверием. И вот он узнал как-то, что я в тюрьме, и послал дочь накормить меня. Знала она меня хорошо Вошла да и ахнула:

— Никанорыч, да это вы? — А у самой глаза большие, большие...

— Кто-же больше! Я, Маша.

— Что-же они с тобой сделали, окаянные, — со стоном вырвалось у нея, — да ведь ты на себя не похож!

Так тепло, так светло стало у меня на душе, будто ангел прилетел. Плачет она, текут и у меня слезы из глаз. И будто душа во мне воскресла. Мне захотелось жить, жить!

Голос Никанорыча могуче загудел, разносясь над водой. Заискрились глаза. Кто-то из казаков протяжно вздохнул.

Мне захотелось борьбы!..

— Маша, спаси меня, — прошептал я ей.

— Как спасти-то?

— Подпилок запеки в хлеб и принеси мне завтра.

Щеки Маши разгорелись. Грудь дышала порывисто.

— Принесу, — тихо сказала она.

Вижу, волнуется.

Ушла Маша, а мне показалось, что солнышко закатилось. Тоскливо стало, и ничего не вижу я, кроме решетки в окне. Но в душе появилась надежда на спасение, и стало крепнуть ослабевшее тело. Бодрей стал.

Подошел к окну, глянул во двор — высоко, разобьюсь... Кругом тюрьмы стена высокая, кирпичная виднеется, сверху битым стеклом посыпана. Заныло у меня сердце — не уйти!..

И вдруг на моих глазах открываются ворота. Во двор вогнали группу казаков. Одежа изодранная, кровью залита. Плечи ободраны, разодраны штанины. На плечах погоны вырезаны, на ногах лампасы. Черными пятнами кровь спеклась. Измученные, обессиленные, едва шли казаки, подгоняемые прикладами стражи.

Не знаю, что сталось со мной. Должно-быть, голод сказался. Закружилась у меня голова, темно стало в глазах. Упал я на пол...

Очнулся поздно ночью... Мысль гвоздем сверлила мозг.

— Что-же это? Это-ли братство и равенство Москвы, в этом-ли свобода? Откуда они? — думаю

И... точно луч пронизал мое сознание. Это пленные!.. Значит, не выдержали казаки! За оружие взялись!.. Помоги, Боже!.. Помоги Боже, отстоять казакам родину свою — Тихий Дон!..

Мне так захотелось вон из тюрьмы, что ни стена, посыпанная стеклом, ни стража, ничто не стало страшно. Скорей... скорей!.. Маша, помоги!.. Там льется кровь, там бьются за Казачество, а я сижу в заперти... Скорей к ним!..

На другой день пришла Маша. Как сейчас, вижу выбивающиеся из-под платка волосы, дрожащие губы. Улыбнулась, передала хлеб и сказала:

— Ну, спаси тебя Бог!

Блеснули на глазах слезы, повернулась, глянула еще из дверей долгим взглядом... Закрылась дверь... Как в темную ночь опустили меня, но малопо-малу радость пронизывала все мое существо. Понемногу я стал пилить железные прутья решетки.

Пилил и прислушивался — не следит ли кто? Нет, по прежнему в корридоре обычная брань сторожей, крики. Вечером мне об'явили приговор военно-революционного трибунала — смертная казнь!..

Ушли — я снова за работу. А когда ночью застучали часовые, я разогнул прутья решетки, выдавил головой стекло и ринулся со второго этажа вниз. Разбил колена и руки. В тюрьме начался переполох. Шум, крики... Слышу — бегут ко мне.

Не знаю откуда у меня взялась сила, только помню — вскочил и, как ветер, понесся к стене. Подпрыгнул, схватился за край, впились стекла в пальцы, изрезал колени и локти...

Перескочил я стену...

Началась погоня. Ночь темная, ничего не видать. На крик, на стрельбу повыскакивали красные со всех дворов. Пули свистят. По пятам бегут, настигают. Вот-вот схватят. Куда деваться?

Добежал до речки да на мост. Проскочу, думаю, в поле, — конец погоне! Уйду. А вышло не так. Всполошенная стрельбой стража бежала с другого конца прямо на меня. Перекрестился я да и махнул с моста в воду. А вода ледяная — всего неделю, как прошел лед на речке. Словно варом обварило меня. Дух захватило. А красные топотят по мосту, орут, из винтовок стреляют. Слышу, как пули булькают по воде.

Спас Господь. Да видно и молитва Маши помогла. Образ ее горел передо мной и придавал силы.

Смолк Никанорыч. И потом, тяжело вздохнув, грустно добавил:

— Умерла она потом... Заразилась тифом, ухаживая за больными казаками.

— Что-же было дальше? — спросил Душан.

— Дальше? Понесла меня ледяная вода вниз по течению. Пловец я хороший и довольно легко держался в воде. Вдоль реки я замечал окопы и в них гомонящих людей. Значит — война, думал я; значит, правда, что восстали казаки. Билось сердце. Я перестал чувствовать холод. Должно быть, притерпелся. Вылез из воды уже у хутора нашей станицы. Восемь верст пронесла меня речка. Вылез и направился в хутор, к своему давнишнему другу Михаилу Федоровичу. Открыли мне дверь на мой стук и не узнают меня. Похудел, бородой зарос, вша из'ела. Зуб на зуб не попадает, и не посинел, а почернел весь от ледяной воды.

Спрашивают, кто я, а я слова выговорить не могу. Перекрестился на иконы. Обрадовались, — наш пришел. По глазам узнали, кто я. Дали сухое платье. Выпил я залпом бутылку водки и заснул в тепле, как убитый. Два дня спал. Думали, не проснусь. Нет, проснулся, выжил...

— Вот тут-то я и потерял половину силы, — помолчав, добавил Никанорыч.

— Потеряешь... — эхом отозвался Душан.

— Рассказал мне Михаил Федорович, что с красными идет война, что уже подходят восставшие казаки. А мать мою сапожный подмастерье Гараська Кривой с хулиганьем изнасиловали, а потом задушили.

Как ты думешь, что со мной сделалось тогда, Душан? — спросил Никанорыч серба.

Тот пожал плечами и, устремив взгляд в темноту, словно ища в возникших там образах ответа, задумчиво проговорил:

— Не знаю, братушка, не могу знать.

— Я загорелся весь, закипела во мне кровь... Гараська?!. Держись-же теперь! В тюрьме вытравили во мне душу, вынули сердце, и я решил жестоко отомстить.

Быстро собрал я сотню казаков да темной ночью и зашел с тыла в свою станицу.

Отдав распоряжение казакам, кому что сделать и кого арестовать, я кинулся к Гараське и так же, как он меня месяц тому назад, связал ему руки, заткнул ручником рот, вывел его в степь, за станицу и там...

Никанорыч понизил тон до рокочущей октавы и, задыхаясь, добавил:

— И там... четвертовал его...

— Как?.. Что сделал? — переспросил недоуменно Душан.

— Четвероват его, — отчеканил Никанорыч. — Отсек ему шашкой сперва руку, потом ногу, помучил мерзавца, потом отсек вторую руку и ногу, а напоследок отрубил голову...

— Что же он? — испуганным шепотом спросил Душан.

— Стонал, о пощаде молил... А ты, говорю, пощадил мою мать? А ведь она тоже молила тебя о пощаде...

Казаки мои арестовали всех главарей, захватили станицу в свои руки и ночью же сообщили восставшим. Много я припомнил потом: и свой арест, и погибшую мать, и красавицу Катю с братом, и кровавые лампасы на пленных казаках, и ледяную воду нашей речки...

— Многие поплатились! — с ударением закончил Никанорыч свой рассказ.

Молчали казаки, молчал и Душан.

Над Дунаем засизела ночная мгла. На ясном небе засветились звезды. Черной стеной встал лес на противоположном берегу, где-то кричала водяная птица, да посвистывали крыльями утки, пролетая над казаками.

Кто-то ковырнул палкой костер, и огненный столб искр взметнулся к небу...

— Страшная у вас была жизнь, — проговорил Душан.

Долго лежали все молча. Наконец Душан встал.

— Ну, прощайте, братушки, — проговорил он сердечно. — Завтра с утра за рыбой.

Потухал, догорая, костер. Сгущалась темнота. Над Дунаем ширилась тишина.

... А казаки вспоминали...

Петр Крюков. *(Франция).*

САРЫНЬ НА КИЧКУ.

Гей! Сторонитесь с дороги казачьей,
Жалкие духом рабы!
Не волнуйте вы крови горячей,
Вы!.. Оловянные лбы!
Грех не случился-бы: нож засапожный
Вам не воздвиг-бы курган придорожный!
Гей! Сторонитесь, рабы!

Прочь вся сарынь! Убирайся на кичку!
Дай нам к боярам пройти, —
К тем, что нам дали позорную кличку, —
Гей! Убирайся с пути!
Мы лишь бояр, не холопов ничтожных,
Прячем в курганах степных придорожных.
Прочь убирайтесь, рабы!

Мы пистолетов не носим в карманах.
Где нам — „ворам“ — их носить!
От чекмарей-то не мало в курганах
Вашего брата лежит.
Стой, вы! Бояре! Мешки непорожние!
Плачут курганы по вас придорожные!
К черту! На кичку, рабы!..

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

(Продолжение).

В сентябре-октябре 1918 г. Деникин занялся выработкой положения о своей диктатуре, о хитром-мудром подчинении русским беженцам Казачьих Краев и Казачьих боевых сил; Деникин был занят подбиранием себе тайных и явных помощников и пособников из среды самого Казачества, был занят построением общерусской власти („Особое Совещание“), ожидал благоприятных результатов переговоров своих агентов с руководителями кубанской политики; Деникин был чрезвычайно озабочен укреплением своего личного влияния и авторитета среди русских во время болезни признанного русскими верховного руководителя Добр. армии, генерала Алексеева, и, особенно, после его смерти 26-IX-18.

И потому Деникин задерживал ликвидацию большевицких войск на Северном Кавказе, дабы угроза наступления на Кубань со стороны этих войск принуждала казаков быть более сговорчивыми и уступчивыми.

Кроме того, уже в сентябре 1918 г. было известно о поражении, понесенном Центральными державами на западном фронте в генеральном сражении в июле-августе месяцах. Если еще в июне генерал Алексеев до-

казывал кубанцам неизбежность проигрыша войны Центральными государствами, то после полученных достоверных сведений о понесенном немцами поражении значительно укрепилась вера в победу Союзников. Ожидаемый исход мировой войны, в которой Россия, как известно, была на стороне Союзников, окрылял руководителей русского белого движения и всю многотысячную русскую интеллигенцию, скопившуюся на Казачьих Землях, радужными надеждами.

Не подлежит никакому сомнению, что вся акция русских генералов Алексеева, Корнилова, Деникина, Маркова, Эльснера, Лукомского, Эрдели, Драгомирова и многих других по организации русской Добровольческой армии была начата в 1917 г. с согласия и при моральной и материальной поддержке представителей союзных держав, бывших тогда в России. В 1918 году генерал Алексеев находился в почти постоянной связи с представителями Союзников, еще остававшимися на территории быв. России. Когда пришли известия о поражении Германии на западном фронте, о генеральном наступлении войск на Салоникском фронте в начале сентября и о понесенном здесь поражении войсками Германии и Австро-Венгрии, когда, наконец, пришли известия о том, что Центральные державы попросили о мире и подписали предложенные им победителями условия перемирия, — русские генералы, сохранившие верность Союзникам, стали весьма серьезно готовиться к новой роли „освободительного движения союзных войск на Москву". Напрасно кубанцы-самостийники утверждали, что нет никаких оснований для надежд на помощь со стороны Союзников живой силой, как это было сделано, например, 26-го октября 1918 г. председателем Кубан. Правительства на заседании представителей Кубани и Добр. армии в присутствии донских „сватов" (см. ч. I „Трагедии Казачества"). Напрасно те же самостийники настаивали на необходимости мобилизации сил для борьбы с наступающей Россией путем сложения молодых республик — Донской, Кубанской, Украинской и т. д. Русские генералы прекрасно понимали, что осуществление желания самостийников не только не укрепляет единой и неделимой России, а разрушает всякие надежды на новое торжество русского народа над покоренными им народами во времена царей и императоров. Тут, как видим, столкнулись две глубоко противоположных принципиальных точки зрения, представляющих: одна — Россию Пана, Россию Хозяина, а другая — Восставшие за свои права народы. Массе казачьей была чужда мысль — поддерживать Россию, но была такая казачья интеллигенция, которая старалась втолковать казачьей массе, что без России казаки не проживут...

Казаки храбро дрались на фронте против полчищ русских людей, а казачья интеллигенция, ослепленная любовью к России, очень умело впутывала казаков в в русские дела. Донские казаки открыто заявляли, что дальше своих границ не пойдут, что они защищают Донскую землю и не хотят вмешиваться в русские дела.

А посмотрите, как хитроумно казачья интеллигенция в это же время писала, например, Указ Большого Войскового Круга Всевеликого Войска Донского, 20-го сентября 1918 г. Руссофильская казачья интеллигенция вложила тогда в уста казаков следующие слова: „Мы очень хорошо помним, что мы плоть от плоти, кость от кости Русского народа. Мы ни на минуту не забываем, что судьба Донского казачества тесно сплетена с судьбой Русского народа и Русского Государства"...

Стоит только глубже вдуматься во всю обстановку борьбы того времени, чтобы понять, какую страшную трагедию переживало Казачество: Россия многотысячными, до зубов вооруженными армиями громила казаков; Россия шла уничтожать Казачество, а верхи казачьи, обрусевшая и политически слепая руссофильская интеллигенция плакала не о Казачестве, а о „общем нашем отечестве — несчастной России, истерзанной и раздробленной", и это делалось в то время, когда настоящая Россия, под руководством своих генералов и комиссаров, буквально дробила казачьи головы...

Стиснув зубы, крепко сжимая винтовку или пику, или шашку в руке, донские казаки с трудом отбивались от русских мужиков на фронте, гибли тысячами, а казачья интеллигенция старалась втолковать в казачьи головы любовь к этой самой России и необходимость „воссоединения с Россией"... Под этим знаменитым документом подписаны В. Харламов, председатель Донского Круга, и товарищи председателя: ген Янов, Солдатов, П. Скачков, Л. Александров, П. Дудаков, Б. Уланов, И. Карташев... Калмык Уланов — тоже „плоть от плоти и кровь от крови Русского народа"...

Почему русские люди, видя перед собою таких государственных людей Казачьих Республик, должны были отказываться от мысли использовать Казачество, казачью военную силу, для воссоздания неделимой России?

Почему русское командование кубанскими казаками не могло принимать различных мер для того, чтобы сломить, в конце концов, сопротивление самостийной казачьей массы и самостийной казачьей интеллигенции!..

Победа Союзников еще более усилила надежды и шансы русских людей на успех. Все было так просто: большевики — ставленники немцев, небольшая кучка интернационалистов и разбойников, захватчики власти и т. д. Большевики „разложили" Россию и вывели ее из состояния войны с Германией именно в момент наибольшего напряжения военных действий и сил в борьбе Союзников с Центральными державами. Значит, большевики должны быть покараны Союзниками, значит, Союзники выгонят большевиков из Москвы... Все просто и ясно.

Но почему эти агнцы невинные, эти голубицы кроткие, эти набожные русские люди не идут за той правдой, которую в добровольческом ковчеге на казачьих единонеделимческих ослицах возят по Казачьим степям белые русские генералы, и почему эти кроткие, набожные русские люди заполняют стотысячные красные армии, почему эти армии разбивают Восточный, Северный и Западный фронты, почему они стотысячной армией валят теперь на Казачьи земли?! Почему эти русские богомольцы не идут за Деникиным ни в 1917, ни в 1918 г., и этот несчастный носитель русской сказачной Жар-птицы так часто оплакивает „гибель остатков или кадров добровольцев"...

Почему русский царский Генеральный Штаб так интенсивно работает над организацией русских простачков, „агнцев Божиих" для похода на Казачество, на Украину, в Сибирь, в Туркестан?

Почему большевиков, этих проходимцев, разбойников, интернационалистов набралось вдруг сотни тысяч и не на митингах или в церквах Божиих, а на фронтах? Почему русские люди бросили противо-немецкий и противо-австрийский фронты, целовались с врагом Союзников, а теперь с таким наслаждением и такой, надо признать, жертвенностью и доблестью, с такой кровожадностью нападали на казаков?

Почему русские люди не шли за правдой Деникиных, Врангелей, Харламовых, Филимоновых и им подобных и в то же время умирали за правду Ленина, Джугашвили-Сталина, еврея Троцкого... Очевидно, дело не в том, кто являлся носителем известной идеи, а в том, какие идеи защищали их проповедники...

И происходила на Казачьих Землях путаница и неразбериха великая...

Приближались так долго жданные Союзники-победители, и торжествовали развязные русские люди, ненасытною единонеделимческою разношерстною толпой скопившиеся на Дону и на Кубани... Русские газеты были переполнены призывами, утверждениями, заклинаниями вроде: „Союзники немедленно дадут помощь Деникину", „Союзники не допустят, чтобы большевики, хотя один лишний день, сидели в Матушке-Москве", или „Союзники не потерпят самостийностп и сепаратизма", или „Россия не забудет измены ей, когда она лежала на смертном одре"... И т. д. и т. п.

Даже Донской Атаман Краснов пред'явил ультиматум Царицыну о немедленной сдаче до 15-го ноября; иначе, угрожал генерал: „По приходе Союзников город будет сметен артиллерийским огнем"!

Словом, Союзники — это надежда, утешение, избавители, сокрушители большевиков, это помощники в деле возвращения помещичьих земель, генеральских

должностей, это рука, карающая бунтовщиков и сепаратистов... Все гостинницы, рестораны, кафэ, шашлычные, ночные увеселительные дома, трамваи, театры, биографы, частные квартиры многих южных городов оживились разговорами бывших командиров корпусов, дивизий, полков, бывших губернаторов, градоначальников, предводителей дворянства, директоров банков, фабрик и заводов, земских начальников, судей, профессоров... Надо было видеть эту публику на улицах при встрече Союзных офицеров или на балу, устроенном в Новочеркасске Донским Атаманом по случаю приезда тех же союзных офицеров, чтобы понять, чем был до краев переполнен казачий тыл...

Казаки были заняты кровавой войной на фронте с огромными армиями России, казаки заняты были осенней обработкой полей, а эти русские перелетные птицы, самых различных пород и окраски, представляли бывшую Россию, представляли как-бы настроение „русских армий“...

Казаки героически, безропотно умирали на многочисленных фронтах в борьбе за свободу, за волю, за уничтожение русского ига над казаками, а изменники или близорукие, ничего не понимающие политики из казаков в тылу помогали русскому черному воронью вязать казаков и по рукам, и по ногам...

Генерал Краснов просил у Союзников 4-ре корпуса войск и обещал этим корпусам торжественные встречи и триумфальное шествие по русской территории. Генерал Деникин просил 18 пехотных и 4 кавалер. дивизии.

Теперь известно, что во всех своих обращениях к союзникам ген. Деникин и все его агенты скрывали от Союзников действительное положение вещей, скрывали ничтожность сил собственно русских добровольцев, Кубанские войска выдавали за русскую армию, Донское Войско изображали, как полубольшевицкую организацию и т. д.

Но ген. Деникин и все его приближенные, как русские беженцы, так и русские люди из казаков, прекрасно знали, что воевать-то у них нечем, что казаки бьются не ради Матушки-России, а ради освобождения своих Земель именно от России-завоевательницы...

И перед Деникиным и всеми защитниками единой и неделимой России теперь тем рельефнее, тем яснее и отчетливее стояла задача — какой угодно ценой, не останавливаясь ни перед какими мерами, прибрать к рукам, закрепить за собою казачью военную силу... Может быть, Союзники дадут свою помощь, может быть, при помощи казаков и союзников удастся сокрушить русские красные армии и возвратить оплакиваемые экономические и политические преимущества, которые потеряли в России те сотни тысяч русских людей, которые теперь буквально переполнили Дон, Кубань, Крым, Одессу, но которые не хотели нести на фронт войны с красными армиями свои драгоценные жизни, предоставляя казакам умирать на фронте...

Терек уже был предан, вследствие умышленной задержки победоносных Кубанских войск в сентябре-октябре месяцах на юго-восточных границах Кубани. Терек утопал в крови... Теперь большевики мобилизовали терское население, пополняли им свои поредевшие ряды и обновленные, отдохнувшие полки бросали против кубанцев...

Дон напрягал все свои казачьи силы, чтобы не допустить 120-130-ти тысячную русскую армрю на казачью землю...

1-го ноября 1918 г. Деникин сказал в Кубанской Краевой Раде свою речь, полную боярской напыщенности, русской непогрешимости, претенциозности, предупреждений, пророчеств, явных угроз расправой и... неправды... Перед Кубанской Радой выступал не простой и незадачливый русский генерал, бежавший от своего русского народа на Казачью Землю, а всемогущий диктатор, который может карать и миловать (см. ч. I очерков „Трагедия Казачества“). Если эту речь сопоставить с той реальной, действительной обстановкой на противобольшевицких фронтах войны и в тылах казачьих геройских армий, тогда только можно понять, какой убийственной характеристикой для вождей белого движения являлась эта генеральская речь...

Мы далеки от мысли заниматься бросанием пустых обвинений в адрес наших противников. Все свои утверждения мы обосновываем многочисленным фактическим материалом, взятым часто у самих „вождей русского белого движения“. Мы совсем не хотим последовать примеру Деникина и многих русских писак, высмеивающих казачье освободительное движение, говорящих пренебрежительно о казачьих законодательных учреждениях, о казачьем государственном строительстве. Этих русских людей не удерживает и память о десятках тысяч казачьих героев, сложивших свои головы в борьбе с русским нашествием на Казачьи Земли в 1918—1920 г. г.

Причины нашего поражения и наших небывалых бедствий мы внимательно и осторожно ищем не только в вусских беженцах, облепивших Казачий тыл, не только в России вообще, но и в ошибках и в предательстве людей, вышедших из среды самого Казачества; не щадим мы и самих тогдашних самостийников, указывая в соответствующих местах изложения на их неуменье, малодушие, отсутствие должной смелости и решительности или выявление непонимания политической, военной и экономической обстановки тяжелой борьбы Казачества...

Выступая 1-го ноября 1918 г. перед Кубанской Краевой Радой, ген. Деникин, между прочим, спрашивал:

„Разве могут жить спокойно кавказские и линейские станицы, когда у Ставрополя, Св. Креста и Минеральных Вод собираются десятки тысяч красных?“ (Ден. IV, 46).

Заметим, что 1-го ноября Деникин не говорит о том, что кубанским станицам угрожает красная армия, а говорит о том, что на границах Кубани собираются десятки тысяч большевиков. Разберемся в том, что сделало русское командование Кубанскими и Терскими казаками для того, чтобы угроза нового большевицкого нашествия на Кубань со стороны Ставрополя и Минеральных Вод фактически существовала до тех пор, пока это было выгодно русским генералам. Сопоставим события на фронтах с событиями в тылу.

Конечно, генерал Деникин и его приближенные не настолько просты и неумны, чтобы боевые операции Казачьих войск вести так, чтобы каждый казак увидел и понял их подлинную роль. В интересах России, как их понимало добровольческое командование, нужно было вести дело так, чтобы, с одной стороны, постоянно были победы, так необходимые для прославления „русской Добр. армии“ с целью выигрыша ставки русских людей — на Союзников, победителей в мировой войне; победные реляции „русской Добровольческой армии“ должны постоянно заполнять страницы русской и иностранной прессы, иначе союзники не дадут русской контр-революции своих корпусов для завоевания Москвы... Но, с другой стороны, крайне необходимо было вести боевые операции так, чтобы „десятки тысяч красных“ действительно могли собираться у Минеральных Вод, Св. Креста и у Ставрополя и угрожать Кубани, чтобы не могли „жить спокойно кавказские и линейские станицы“.

Словом, победы нужны для игры перед Союзниками, а постоянная большевицкая угроза должна висеть над Кубанью для того, чтобы богатая Кубань с ее доблестным казачеством не ушла из русских рук, чтобы Кубанская Краевая Рада не разорвала с Деникиным.

И Деникин повел довольно ответственную и сложную игру с Кубанью, с Доном, с Союзниками... Положение Деникина временами было весьма критическим, в виду неожиданных для него ходов со стороны его партнеров.

Что большевицкие войска были окончательно деморализованы, что руководство ими действительно было „из рук вон плохо“, как говорит ген. Врангель, что большевицкие части дрались из последних сил просто ради спасения своего физического существования, — это все бросалось в глаза при операции наших войск против Ставрополя в конце октября месяца 1918 г., окончившейся 2-го ноября освобождением Кубанцами этого города. Во время этой операции Деникин стянул тогда к Ставрополю 7 дивизий и окружил его буквально со всех сторон (см. Врангель. Записки, т. I, стр. 87—88). Известно, что полное окружение на суше какого-либо

пункта, занятого неприятельскими войсками, может быть осуществлено только в том случае, когда неприятельский фронт отодвигается на значительное растояние от окружаемого пункта, или когда войска противника настолько деморализованы и обессилены, что не могут уже организовать нападение с тыла на осаждающие войска.

После взятия Ставрополя Деникин продолжает осуществлять свой основной план: иметь победы и держать большевиков на границах Кубани. Он разделяет подчиненные ему Кубанские войска на три основных группы:

1. Наиболее сильную группу, под именем III-го армейского корпуса, под командованием генерала Ляхова, он сосредотачивает на правом крыле, в направлении Минеральных Вод. К концу ноября эта группа войск, согласно данных ген. Деникина, насчитывала 10 тысяч штыков и сабель, при 30-ти орудиях и 4-х бронепоездах. Заметим, что эта группа наших войск была и численно и вооружением сильнее Кубано-Добровольческого отряда в начале похода с Дона на Кубань в июне месяце 1918 г. (Тогда было не больше 9 тысяч при 21 орудии, теперь — 10 тысяч при 30-ти орудиях и 4-х бронепоездах). III-й корпус располагался очень удобно на главной магистрали Владикавказской желез. дороги, чем в полной мере обеспечивалось сообщение его с тылом — Кубанью. Правее этой группы войск были освобожденные казаками станицы Баталпашинского отдела, упиравшиеся в Кавказские горы; впереди — территория Войска Терского, которое, не дождавшись своевременной помощи со стороны Кубани, теперь снова подпадало под власть большевиков, но готово было восстать против ненавистной власти в каждый момент и увеличить тысячами новых бойцов ряды освободительной армии.

2. Левее группы войск генерала Ляхова находился 1-ый армейский корпус генерала Казановича, согласно тем же данным, насчитывавший 6.800. штыков и сабель при 21 орудии.

3. Еще левее действовал 1-й конный корпус ген. Врангеля силою до 6200 сабель и штыков при 20-ти орудиях.

4. На самом левом фланге, у Маныча, действовал отряд ген. Станкевича в две-три тысячи человек при 4-х оруд., игравший роль заслона со стороны Астраханских степей и связывавший Кубанские войска с Донскими.

Как свидетельствует ген. Деникин, „после поражения под Ставрополем XI-я советская армия отступала в двух главных направлениях: Таманская группа — на северо-восток, к сел. Петровскому, группа Гудкова — на восток к Бешпагиру“ (Ден. IV, стр. 108).

О распределении сил противника в начале ноября 1918 г. ген. Врангель говорит следующее:

> „Противник, оставив Ставрополь, отходил главной массой сил на Петровское“. (Врангель. Записки, т. I, стр. 91).

Преследование этой (главной) массы большевицких войск генерал Деникин поручил Кубанскому корпусу под командой Врангеля.

Чего достиг этот Кубанский корпус? Проследим работу корпуса по данным Врангеля (см. Записки, т. I, стр. 91—96).

> 6-го ноября I-й Корпус разгромил красных у Михайловки, захвативши до 1000 плениых и огромный обоз, при чем обоз одной из красных дивизий был захвачен в полном составе; 7-го ноября — разбил врага у Дубовки, забрал пленных и обозы; 8-го ноября — разбил противника наголову у Козинки и Тугулука. Неприятель, оставив большое количество пленных и обозы, бежал на Константиновку и Кугульту; 10-го ноября части корпуса овладели Константиновкой и Благодатным. „В обоих пунктах красные оказали отчаянное сопротивление, но остановить наше победное шествие не могли“, свидетельствует Врангель (т. I, стр. 92). 11-го ноября „после ожесточенного боя корпус овладел селом Петровским, конечной станцией железн. дороги. Здесь вновь мы захватили пленных, пулеметы и орудие“ (Вран., I, 92).

Как видим, в течение 6—11-го ноября Кубанский корпус буквально разгромляет наиболее сильную группу сил большевиков.

Что предпринимают в это время более сильные наши корпуса — центральный — Казановича и правофланговый — ген. Ляхова?

О действиях наиболее сильного Кубанскнго корпуса ген. Ляхова, стоявшего в пределах Кубани, на границах Ставропольской губернии и Терского Войска, ни в писаниях ген. Деникина, ни в повествованиях ген. Врангеля за первые четыре недели ноября месяца никаких сведений не имеется. Только 28-го ноября ген. Ляхов занял станцию Бурсаки, что лежит на самой границе Кубани (Ден., IV, 109). Таким образом, весь ноябрь месяц этот корпус простоял на месте, давая большевикам полную возможность безнаказанно душить Терек, собирать „десятки тысяч красных“ и „не давать спокойно жить кавказским и линейским станицам“, как говорил ген. Деникин в своей речи 1-го ноября на Кубанской Раде.

И действительно, большевицкая армия „усилилась частями, освободившимися после падения Терского фронта, в том числе Терской дивизией и Кабардинской бригадой“, свидетельствует Деникин (Ден., т. IV, стр. 107).

Так, игра Деникина помогала большевикам, давая им возможность заливать кровью многострадальный Терек, мобилизовать его население и гнать его на позиции против Кубанских войск.

Центральный корпус ген. Казановича, имея перед собой, без сомнения, более слабые и более деморализованные силы противника, нежели те силы большевиков, которые оперировали против Кубанского корпуса Врангеля, продвигался „весьма медленно и к 11-му ноября подошел лишь к селу Спицевка, которое противник продолжал прочно удерживать“ (Врангель, Записки, т. I, стр. 92). Село Спицевка находится, приблизительно, верстах в 40 к северо-востоку от г. Ставрополя. Врангель в это время находился со своим Кубанским корпусом верстах в 80-ти к северо-востоку от того же г. Ставрополя, несколько раз перед этим буквально разгромив самую сильную группу большевиков, отступавшую от Ставрополя. Таким образом, корпус Казановича, действуя против более слабых сил большевиков, имел весьма незначительные успехи. „Мой корпус оказался значительно выдвинутым вперед“, говорит Врангель (т. I, стр. 93).

Бездействие корпуса Ляхова, весьма слабые действия корпуса Казановича ставили в тяжелое положение корпус Врангеля. Большевики не замедлили воспользоваться весьма выдвинутым вперед положением этого корпуса и, взяв войска с фронта против Казановича, со стороны селения Спицевки напали на тыл корпуса Врангеля в селении Константиновка и наступали с правого фланга и с фронта в районе села Петровского. Об этих боях генерал Деникин говорит следующее:

> „В течение 4-х дней в этом районе происходили тяжелые бои, и село (Петровское) дважды переходило из рук в руки. Корпус понес большие потери, особенно в офицерском составе...“ (Деникин, Очерки, т. IV, 106).

Так Кубанские казаки своею кровью платили за преступную политику ген. Деникина и его кубанских помощников, тайных и явных.

Все же Кубанцы корпуса Врангеля вновь разгромили большевиков и обратили их в паническое бегство (Врангель, т. I, стр. 95).

Упорно преследуя свои единонеделимческие цели, ген. Деникин продолжал оставлять на месте корпус ген. Ляхова. Корпус Казановича продолжал топтаться в районе сел. Бешпагира, что лежит всего верстах в 30-ти к востоку от Ставрополя и на таком же, приблизительно, расстоянии от Кубанской станицы Темнолесской. Такая политика русского командования кубанскими казаками, конечно, давала полную возможность „собираться десяткам тысяч большевиков“ у Ставрополя и Минеральных Вод.

(*Продолжение следует*).

В. К. Байда.

Джигиты.

По футбольным городам Европы, средь короткоштанных спортсменов и пиджамных коротковолосых дам, время от времени появляются наши

Джигиты.

Неслышные, незванные — незаметно появятся они из неведомой дали и незаметно уйдут в ту же неизвестную даль.

Kozaci... Les Cosaques... Die Kosaken...

Остаток прекрасной романтики сребровыльных степей, так безнадежно далекой современному мировоззрению европейской

толпы.

Гордые цари степей, неотделимая часть души казака, заботливой рукой вылощенные кони, грызя удила, нервно, но не пугливо уступают дорогу нахально-рявкающим автомобилям. А мужественно-грациозные Джигиты нежно поглаживают их по крутым шеям, торопят их —

уступить...

И чем гуще толпа, чем многочисленнее современные властители дорог и улиц — лимузины, Бенцы, Ролльс-Ройсы, — тем больнее, отчаяннее чувствуется трагическое одиночество сказочно-прекрасной группы

Степных Витязей...

Будто величавый, облеченный пурпурной туникой гекзаметр Иллиады средь распоясавшейся коммунистической частушки. Иль маленькое стадо газелей в паркетном ателье кинематографической студии...

Никакой „Рекламы"!

Проедут по улицам, по которым „можно" проехать, и скроются в какой-нибудь постоялый двор на городской окраине...

В ожидании „представления" молча усовершенствуют внешний вид своих молчаливых друзей...

У кассы третьеразрядного футбольного „плаца" толпится уличная детвора, — безбилетники. Городские паиньки, под надзором заматерелой в годах тёти, чаще прислуги, иногда маменьки, — покупают „стояние". А разница от „сидения" бережется для футбола...

Редкий славянский симпатизер (панславист!); или бывший ратник, редкий военный. Пролетарский папаша с чумазым сынком за руку...

Публика, городская многоголовая публика реками бурлит по улицам...

Средний городской элемент — страстные спортисты. О казаках не думают. Итти смотреть джигитов им и в голову не приходит:

— Ведь Козаци... Les Cosaques... Die Kosaken... —

не спорт!

А те, что на футбол на автомобилях приезжают, купили места на трибунах уже за несколько дней до состязания...

. . . . . .

Пустопорожний плац с жидкой цепочкой зрителей у заборов. Густые толпы — за заборами...

В уголку — сбатованные кони... Будто связанные по рукам и ногам, черные рабы в белых южно-американских аукционных залах...

Не в настроении джигиты. Не в настроении кони... Но — нужно начинать. Мальчишки уже хлопают...

— По коням!..

Момент — джигиты в седлах. Обе половины соединились. Стало одно целое:

Казак.

От узелка на верху папахи до холки, от холки до копыта — одни нервы, одна воля...

Семь казаков, семь кентавров, танцующим шагом проходят перед публикой.

Потом начинаются номера. Азартная игра с увечьями. Игра со смертью... То голова под копытами, между лязкающими подковами, то на 8 метров над мчащимся назад утрамбованным плацем.

Ни джигиты, ни кони не ошибаются. Не уклоняются. Работают так, как работали бы и дома.., на пасхальных скачках.

Джигиты даже „улыбаются". Просто стянут лицевые мышцы в гримасу, которая издали кажется улыбкой...

После номеров семиконной шеренгой выезжают на середину. С песней, с плетью вместо диригентской палочки. С бубном...

— По дороге пыль клубится!..

А от этой песни — сердце разрывается... За что?!. Почему не клубится пыль под копытами казацких коней?... За какие грехи красоту свою выставляем на показ толпе?.. Чужой, равнодушной толпе...

На середине плаца спешились. „Сыгранностью" голосов и техникой пения, достойными лучшего применения — пропели еще одну песню. И, если бы зрители разобрали слова скороговорной, речитативной песни, — отказались бы от представления о казаках, как о жителях подмосковных деревень, которые в прошлом ничего иного не делали, кроме пешествия в Москву на поклонение московским святыням. Которые и в будущем нечего иного не желают, кроме пешествования в Москву на поклонение московским святыням...

А после официальной песни для других, после лезгинки, один из джигитов дает мне письмо в редакцию „Казачества". С в о ю песню. Песню-думку, которая, как убедился из разговора с остальными джигитами, является их общей песней. И песня эта — безграничная тоска по родным станицам. Инстинктивное чувство страшной неправды, грубейшего и подлейшего насилия над живой казачьей душою... Горький упрек Богу, который создал свободных казаков будто только для того, чтобы сделать из них современных рабов...

Москва на устах — сумные ряды неискусных вирш против Москвы на бумаге.

Безсмыслица. К сожалению, так характерная для ограждаемых от „политики" рядовых казаков... Сквозь видимый миру смех — невидимые и незримые миру слезы... Представители юговосточного славянского племени — разогнанные, уничтожаемые северным славянским племенем.

Будим ли мы своими джигитами интерес к казачеству?.. К казачеству, каковым оно когда-то было?.. И какое и сейчас еще живо в сердцах распыленных и под красными сущих казаков?..

Нет. Или очень мало. Джигитовкам, игре со смертью джигитов не предшествует пропаганда. Не предшествует реклама.

Незванные, незнаемые придут, — незванными уйдут. Часто даже и без имени:

— Были — русы. Ушли — русы...

А мы, казачья эмиграция, правительство и представительство, батько отаман, общества ревнителей и изучателей... много ли мы сделали для своих джигитов?..

Ничего! Или — почти — ничего...

„Неизвестный иностранец" по „русскому вопросу".

... „Падение большевиков будет сопровождаться грандиозной анархией, перед которой все исторические примеры побледнеют...

... Сейчас в России настроение таково, что достаточно толчка извне, чтобы власть большевиков заколебалась...

... События могут начаться внезапно... Во всяком случае — не дальше, чем через полтора года.

(См. „Часовой" №№ 110—111).

И. Г.

Албазинцы.

В 1685 году китайцы напали на маленькую крепостцу Албазин, основанную Ерофеем Хабаровым на берегу Амура. Казаки оказали китайцам упорное сопротивление, и осада крепостцы продолжалась два года, после чего человек около пятидесяти казаков были уведены китайцами в плен и доставлены в Пекин.

Китайский император, восхищенный мужеством и храбростью защитников Албазина, не только не казнил их, но предложил поселиться в Китае, как равноправным гражданам. Казаки согласились, и им были отведены участки земли.

Так создалась колония албазинцев, существующая до сего времени в Татарском городе Пекина. Первые албазинцы мало-по-малу потеряли свое обличье, стали одеваться в китайское платье, отрастили косы и вступали в брак с китаянками. Теперь их потомков почти нельзя отличить от настоящих китайцев. Только веру сохранили: албазинцы до сего времени остаются православными.

Вместе с пленными албазинцами, в Пекин пришел и священник о. Леонтьев с древней иконой Николая Угодника. Икону эту он водрузил в одной из кумирен Татарского города и стал совершать перед нею богослужения.

Когда албазинцы, вместе с китайскими войсками, пошли в поход против калмыков, о. Леонтьев последовал за ними. Священник отличался не только большим личным мужеством, но и огромным тактом. Это видно из того, что его богослужения в буддийском храме не навлекли на него ни народного гнева, ни преследования со стороны мандаринов.

Трудами этого казацкого священника (умер в 1712 г.) у албазинцев был создан вскоре настоящий храм, для которого митрополит Тобольский прислал освященный антиминс и разрешение возносить на литургии молитву за китайского богдыхана. (См. „Посл. Нов." № 4418 от 27 апр. 1933 г.).

... Нужно полагать, что эта краткая заметка о героической защите казаками крепостцы Албазин, помимо своего интереса к этому историческому событию, несомненно напомнит вдумчивому читателю о той религиозной устойчивости былого казачества вообще, которую в частности так ярко выявили на примере казаки-албазинцы.

И в самом деле: небольшая группа казаков из Албазина уводится китайцами в плен в страну неизвестную и при том поголовно иноверную... Но не пали духом храбрые казаки-пленники, ибо помнили, что „Бог не без милости, а казак не без счастья"... И счастье албазинцам улыбнулось. Вместо ужасной казни, что для пленных было в обычае тех мрачных времен, китайский император пожаловал храбрым казакам права полного гражданства и предложил им поселиться в Китае.

В Татарском городе Пекина албазинские казаки осели колонией, занялись земледелием и, поженившись на китаянках, обзавелись семьями...

Однако, новая жизненная обстановка не заглушила в сердцах албазинцев глубокой преданности вере отцов своих... Ее не променяли казаки на блага мирские, или просто по своему легкомыслию... Наоборот: со своим священником о. Леонтьевым сами казаки твердо исповедывали дедовскую веру свою, в кумирне перед иконой Николая Угодника возносили к Богу горячую молитву, укрепляли примером христианскую веру в своих семьях и завещали всему потомству своему крепкона-крепко блюсти православие.

С тех пор, как попали в плен албазинские казаки, прошло без малого 250 лет, а потомки этих героев до сего времени остаются православными...

И вошли в историю албазинцы-казаки, как храбрые и мужественные, с поднятым челом, и, как твердые хранители заветов и веры отцов своих, с чистым светлым лицом...

В наши дни некоторым эмигрантам-казакам, а особенно тем, которые поженились на иностранках и танцуют под их дудочку, следует твердо запомнить пример албазинских казаков, чтоб легкомысленно не изменять своей вере дедовской и не относиться безразлично, когда детей их уводят из православия...

Думы и мысли.

Переписка профессора-единонеделимца с простым казаком.

От редакции: Станичник Федотов прислал редакции „В. К." свою переписку с проф. Марковым с предложением опубликовать ее в нашем журнале. Так как переписка эта касается вопросов исключительно общественно-политических и велась обеими сторонами не в интересах личных, и представляет, поэтому, интерес общий, то мы считаем вполне возможным предать ее гласности без боязни заслужить за это упрек со стороны затронутых в ней лиц.

Ничего не меняем в нижеследуемых письмах, за исключением орфографии.

I.

Дорогой Иван Васильевич!

Не знаю, дойдет ли это письмо до Вас. Точного Вашего адреса я не знаю.

Хотел я Вас просить вот о чем.

Среди казаков в Париже возникла мысль о созыве казачьего с'езда. Долго ждали, что это сделает Мельников. Но все жданки потеряли. Начали работу сами. Атаман нас поддерживает и обещает сам стать во главе дела. Так, по крайней мере, сказал он лично мне в беседе, имевшей место 8-го ноября.

Казачий союз, из которого я давно ушел из-за принципиальных разногласий с Мельниковым, фактически не существует. Но не хочется с этим мириться. Не хочется мириться с тем, что казаки разваливаются. Надо попробовать оживить.

Потолкуйте, пожайлуста, с казаками. Как они относятся к этой мысли? Если наша инициатива отклика не встретит, то придется от планов отказаться. Не очень-то их легко проводить и в наших верхах.

Напишите мне прямо и откровенно о том, что и Вы лично думаете. Помнится, при быстрой нашей встрече в Париже, Вы что-то мне намекнули. Я с двух слов понял, о чем будет речь. С тех пор прошло много времени. Времена стали тяжелые.

Буду ждать от Вас ответа.

Всего хорошего. Привет казакам, Ваш А. Марков.

9-XI.

II.

Глубокоуважаемый Александр Прокофьевич!

Письмо Ваше от 9 ноября с. г. я получил, за что приношу Вам свою благодарность. Вы пишете мне о намечающемся в Париже „Казачьем С'езде". Дело это, нужно полагать, не бесполезное и давно уже назревшее. Вы спрашиваете меня, что по этому вопросу лично я думаю? Но у каждого казака дум тьма тьмущая; и как я Вам отвечу на Ваш вопрос, если я не знаю даже приблизительно программы С'езда и целей его созыва? Упоминание в Вашем письме о том, что „Казачий Союз" фактически не существует — для меня не новость, ибо он, как мертворожденное дитя, с самого появления своего на свет был обречен на похороны. В настоящее же время чего парижские казаки хотят изобразить, и о чем, по крайней мере, Вы думаете гово-

рить на Казачьем С'езде — мне не ведомо, хотя и интересно знать. Напишите мне более подробно обо всем, чтобы я, имея Вашу информацию, смог, по Вашей просьбе, поговорить с казаками о Казачьем С'езде, а после сообщить Вам свое впечатление о моих разговорах с местными казаками и высказать Вам свое мнение.

Всего хорошего и будьте здоровы!

Уважающий Вас казак Иван Федотов.

1932 г. 25 ноября. Roubaix.

III.

Глубокоуважаемый Иван Васильевич!

Программа с'езда не получила еще окончательного утверждения. Только 13-XII будет заседание по этому вопросу комиссии с Атаманом.

Идея эта возникла среди казачьих общественных организаций в Париже. На своих собраниях представители этих организаций выбрали комиссию, которая над этим вопросом и думала свою думу. Выработан был проект программы с'езда и положение о нем. Так как никто не собирался идти против Атамана, то комиссия имела с ним неоднократные беседы о с'езде. У Атамана была нерешительность и колебание. С Мельниковым комиссия никакого дела не имела до сих пор, но его влияние — закулисное — и чувствовалось, и чувствется...

Зачем мы хотим собрать казаков? Основная мысль — помешать процессу разложения и распыления казачества. Что-нибудь одно — или мириться с разложением казаков — и в таком случае не нужен ни с'езд, ни Атаман... Или бороться за сохранение казачества — и тогда необходимо оживить его с'ездом. Без оживления казачества немыслима и борьба со всякого рода ересями, которые развиваются среди казаков. Их порождает полное отсутствие казачьей общественности. Атаман один, Мельников загородил своей широкой спиной всех казаков, которые живут в провинции. Мы хотим, чтобы около Атамана был бы совет в роде правления, избранного с'ездом. Не скрою, что инициаторов с'езда интересует вопрос о казачьей противобольшевицкой борьбе и, если с'езд будет, то в закрытом порядке мы этот вопрос выдвинем. Это наш долг, о невыполнении которого нам напоминают оттуда.

Не скрою, что среди парижских казачьих организаций сильны антимельниковские настроения. Давно ему предлагали реформировать Каз. Союз, сделать его не личной канцелярией Мельникова, а общественной организацией; давно говорили о необходимости с'езда, о необходимости денежной отчетности по К. С., опубликовании его бюджета... Мельников все обещал и ничего не сделал. Естественно, раздражение усилилось. Многое ведь теперь безвозвратно пропало.

Итак программа намечается пока такая:

1. Хозяйственный кризис и безработица среди казаков.
2. Взаимопомощь среди казаков.
3. Создание общеказачьей центральной организации.
4. Отношения между казачеством в России и зарубежным казачеством.

Эти вопросы включают в себя и другие частные вопросы, связанные с общими.

Мне бы хотелось частным образом знать Ваше мнение о том, что я здесь изложил. Я действую, как частное лицо. Поверьте мне, что я абсолютно никакой карьеры казачьей делать не собираюсь, не хочу быть ни председателем каз. союза, ни секретарем. Но не могу примириться с тем, как мы разлагаемся, в то время, когда там — у нас на Дону, Кубани и Тереке — идет сейчас гражданская война.

Буду ждать от Вас ответа. Привет казакам.

Уважающий Вас А. Марков.

7-XII.

IV.

Глубокоуважаемый Александр Прокофьевич!

Ваше письмо от 7 декабря с. г. я получил и, согласно содержания его, повел беседу со своими станичниками о предполагаемом в Париже „Казачьем С'езде". Я полагал, что разговоры мои с казаками о С'езде будут просты, и ответы с их стороны завершатся обычным, как в прошлом, возгласом — „в добрый час", конечно, с прибавлением разных пожеланий, но горько ошибся, ибо заграничные наши казаки теперь далеко не те „гаврилычи", которых я знавал на своем Тихом Дону: тогда они, посапливая, больше помалкивали, когда решались разные общественные вопросы, надеясь всецело на мудрость и заботы о них „начальства", а теперь казаки сами шевелят мозгами, сами хотят, прежде чем высказаться и решить что-нибудь, знать: да почему это так, да кто это затевает, да зачем это, да будет ли для казаков от этого толк и польза?.. и т. д.

После прочтения казакам Вашего последнего письма, натолкнувшись на вопросики с разных сторон и не получив от них удовлетворительного ответа, чтобы Вам дать информацию о казачьем на севере Франции настроении по вопросу о С'езде, я и решил сжато написать Вам то, что услыхал от казаков, и что они хотят знать, а потому еще раз прошу Вас дать мне ответ на нижеследующие вопросы, а именно:

1. Среди каких казачьих организаций Парижа, давно-ли и почему возникла мысль о созыве Казачьего С'езда?

2. Какие в настоящее время фактически и жизненно существуют казачьи организации в г. Париже, и кто (фамилия) возглавляет каждую из них?

3. Кто вошел (фамилия) в состав комиссии по выработке программы Казачьего С'езда?

4. Кем программа и положение о С'езде должно быть, по Вашему мнению, утверждены?

5. Согласился ли наш Войсковой Атаман на созыв в Париже Казачьего С'езда, или же и до сих пор проявляет он, как Вы мне писали, нерешительность и колебание, и почему это наш Атаман не хочет услышать голоса зарубежных казаков из Донского Войска?

6. Имела ли в последнее время комиссия какие-нибудь с Мельниковым переговоры по вопросу о созыве Казачьего С'езда, и каковы окончательные результаты этих переговоров?

7. Что это за странные отношения между Мельниковым и нашим Войсковым Атаманом, и почему последний не может оторваться от горе-председателя Донского Правительства? Лично, например я — в бытность свою в Париже—посещал Атамана, и, между прочим, заметил ему, что пора бы Мельникова убрать с поста... На это Атаман ответил мне следующее: „Мельникова заменить не кем, и уволить его не могу, ибо я многим с ним связан"... Чем это — „многим связан" — Атаман мне не об'яснил. Не знаете ли Вы причин такой неразрывно продолжающейся службы Войску Донскому Атамана Войскового А. П. Богаевского и Председателя Правительства Н. М. Мельникова?

8. Кто, по Вашему мнению, виновен в процессе „разложения и распыления" зарубежного казачества?

9. Что Вы имели в виду мне сказать, упомянув о каких-то „всякого рода ересях", которые развиваются среди казачества"?

10. Вы упоминаете об отсутствии среди казаков „общественности"..., но каковою она, по Вашему мнению, должна быть и в чем выявляться?.. А вот в Париже, судя по газетным об'явлениям, разные казачьи балы, собрания старшин клуба; донских артиллеристов; заседания студенческой станицы; совместные по разным случаям обеды „всех" в 1000 колоннах — разве это недостаточно выявляет казачью общественность?

11. Вы пишете: „Атаман один; Мельников загородил своей широкой спиной всех казаков, которые живут в провинции"... Хотя у Мельникова и „широка спина", но она, по моему, далеко недостаточна для того, чтобы отгородить провинциальное казачество от своего Войскового Атамана... Что „Атаман один" — этим Вашим словам я охотно верю и к ним немножко еще добавлю: Атаман начал свою заграничную жизнь и доселе продолжает ее сам по себе со своим ближайшим окружением, а потому и остался один, а казаки, после тщетных ожиданий услышать отцовский голос Атамана среди избранников народных на Кругу (а была к тому возможность в первые годы скитанья, например, в Болгарии...), разочаровались в своих надеждах и стали коротать свою жизнь заграничную тоже сами по

себе, т. е. по своему усмотрению и без Атамана, и без Мельникова.

12. Вы хотите, чтоб „около Атамана был бы совет в виде правления, избранного С'ездом", а уверены ли Вы в том, что это „правление" будет иметь авторитет в глазах казачьей массы, и сношения с казаками таким образом „новорожденного правления" не встретят себе отпора?

13. Из кого Вы полагаете созвать в Париже С'езд и не из тех ли станиц рассеяния, где наряду с природными казаками числятся и рот дерут, да еще как — примазавшиеся заграницей к станицам русопеты — „казаки" из Тамбовской, Пензенской и других губерний?

14. Может быть, комиссия решила созвать в Париже не Донской Казачий С'езд, а общеказачий, но тогда последний имеет ли законное право избирать в помощь Донскому Атаману „совет в виде правления?"

15. Вы пишете, что Мельников до сих пор не опубликовал „денежной отчетности по Казачьему Союзу"... А где бы он опубликовал его и не на задворках ли „Иллюстрированной России", где и так мало места отводится для его „казачьих побасенок?" Между прочим, рядовое казачество давно уже свыклось с мыслью, что заграницей денежного отчета казачье начальство никогда не считало нужным опубликовывать, а если его об этом кто-нибудь спрашивает, то оно сердится... Все-таки казачество надеется услышать этот отчет на Тихом Дону... Вероятно, тогда отчитается и Мельников по Казачьему Союзу. Стало-быть, нужно вооружиться терпением и на долгое время.

16. Вы пишете мне: „естественнно, раздражение (против Мельникова) усилилось... Многое ведь теперь безвозвратно пропало"... А что же именно, по Вашему, — „многое пропало?.."

Переходя к программе и наслушавшись казачьих замечаний к ней, я должен Вам поставить тоже вопросы в ожидании от Вас раз'яснений, которые и будут сообщены мною казакам.

Вы сообщаете мне такой порядок повестки С'езда:

1. „Хозяйственный кризис и безработица среди казаков"... А Вы-то как думаете выкрутить казаков из этого всесветного кризиса? Нужны ведь не разговорчики, а деньги на помощь и деньги солидные, которых-то у нашего правительства, как оно всегда заявляет, и нет.

2. „Взаимопомощь среди казаков"... Мне казаки заметили на это так: „помогаем и выручаем друг друга в беде по старинке, а заведутся лишние деньженки, то про черный день несем их во французский банк. Оно так-то будет понадежней, а главное, без разных размышлений и сомнений насчет целости трудовой копейки"... И это верно: казаки-простаки выручают в беде друг друга, да и деньги, хоть и небольшие, но у каждого из них имеются.

3. „Создание ощеказачьей центральной организации"... А как вот эту организацию Вы думаете создать, для чего и при помощи каких и от кого представителей?.. Об'единенный Совет Дона, Кубани и Терека когда-то создали правомочные члены Войсковых Кругов и Рады. Думается мне, что этот пункт Вашей программы переборщает; выходит через край заграничных казачьих возможностей и нарушит казачьи конституции.

4. „Отношение между Казачеством в России и зарубежным Казачеством"... Этот пункт никто из казаков понять не смог, а посему я и спрашиваю Вас: „в чем дело?"... Вы упоминаете в своем письме о каких-то еще „частных вопросах", связанных с общими... Хотелось бы казакам досконально узнать от Вас все и эти частности. Вопрос о противобольшевицкой борьбе казаков Вы полагаете поставить на С'езде „в закрытом заседании"... Но „шило в мешке не утаишь" — говорит пословица; и большевики все равно узнают все доподлинно, а рядовое казачество в этом вопросе так и останется неосведомленным... Нам же, провинциалам-казакам, интересно знать, под чью команду, в случае борьбы с большевиками, Вы заранее полагаете, по постановлению С'езда, отдать казачьи головы и на каких условиях? Если во главе движения снова станут лица вроде ген. Деникина со своим непогрешимым „я", направленным к удушению казачьего самосознания, то лично от себя я заранее покорно Вас благодарю за такое вообще попечение о казачестве!

Нужно однако заметить, что зарубежное рядовое казачество с радостью выполнит свой долг перед своими братьями, страдающими под игом красной нечисти, но, думается мне, оно вступит в бой с большевиками лишь под командой тех, кто все условия казачьи полностью примет и свято будет их выполнять, а не гнуть казака в бараний рог; не выжимать его, как лимон; не бросать его на произвол судьбы, как поношенную и уже ненужную вещь, и не издеваться, как это делалось раньше и теперь тоже наблюдается. Ведь так уже раз было, и опыты „водителей" на казачьей голове всем казакам по опыту известны, да они проскальзывают между строк и в печатных воспоминаниях бывших „вождей"... Казаки былья всех фокусов над ними еще не забыли, да и забудут ли всю вообще обиду казаки: и те, что „там" страдают, и те, что здесь — в изгнании — сами собой идут по тернистой и ухабистой дороге с растертыми волдырями на ногах и в душе, с оплеванным казачьим именем?

Вы, вероятно, один из тех, кто наконец-то заболел душою о Казачестве — так ответьте же мне подробно и откровенно вот так, как я Вам написал, на все, мною поставленные Вам в этом письме, вопросы, имея в виду, что вопросы эти явились в результате моей беседы с казаками, согласно же Ваших писем.

Будьте здоровы и благодарю Вас за память обо мне.

Уважающий Вас казак Иван Федотов.

1932 г. 26 декабря.
Roubaix.

V.

1933 г. 12 апреля.
Roubaix (Nord).

Глубокоуважаемый Александр Прокофьевич!

Итак, Вы до сих пор не соблаговолили ответить мне на вопросы моего письма от 26 декабря 1932 года, а я все ждал и надеялся, что казачий профессор, как ученый человек, уделит минутку своего внимания мыслям простого казака; удовлетворит его просьбу; все расскажет и все растолкует. Вы же предпочли промолчать и уклониться, таким образом, от прямых ответов на мой запрос, а ведь я просил Вас изложить свои мысли так же откровенно, как то сделано мною, ибо полагал, что Вы с казачьей душой, и казачьи радости и горе близко касаются и Вас и тоже берут за живое.

Однако, Ваше молчание теперь говорит мне другое и наводит на грустные мысли, к примеру: 1. что казаки Вас интересуют постольку, поскольку они являются послушным элементом и слепым орудием при проведении в жизнь „казачьих" планов заграницей, как Ваших, так и близких Вам „общественных" кругов; 2. что казака и Вы до сих пор мыслите не иначе как неизменно Вам отвечающего: — „так точно" и „рад стараться", а то обстоятельство, что теперь казак самостоятельно шевелит своими собственными мозгами, Вам не нравится, а потому с такими Вы, начавши первым, в дальнейшем от переписки по общественным казачьим делам уже уклоняетесь; 3. что Вам, вероятно, приятней иметь дело с „казаком" Н. М. Мельниковым, который ближе к Вам по духу и складу мыслей, чем вступать в открытую переписку с каким-нибудь простым казаком, родившимся у себя на Тихом Дону и прожившим всю свою жизнь не в столице; и 4. что „Казачий Союз" Вы совместно с „казачьей парижской общественностью" замыслили совсем не в заботах о благе вообще и сплочении казачества в частности, а лишь для того, думается мне, чтобы перед собранной Вами молчаливой казачьей публикой лишний раз поговорить, родить для видимости, по подобию блаженной памяти „Казачьего Союза", „Казачий Центр" в составе лиц, хоть и одиозных в казачьей массе, но давно намеченых Вами единомышленников, а вообще Вам от нечего делать захотелось еще раз поиграться в казачки. Думается мне, что Ваша „Казачья Общественность" опоздала со своим выступлением в деле казачьего сплочения. Ей прежде всего следовало бы самой все-

гда быть на высоте казачьих дум, чаяний и защиты подлинных казачьих интересов здесь — в эмиграции — и свой шлях туда — в родные степи — не забывать; не ходить с поклонами по чужим задворкам и не ждать напрасно милости тех, кто казачеству не доброхотствует.

Парижской „казачьей общественности", если она претендует на руководство казаками, следовало бы кое чему поучиться у других наций, к примеру, хоть у жидов... Как Вам известно, в Германии пришел к власти Гитлер; он принялся за вычистку проклятых коммунистов; прицикнул — и не больше того — на „шустреньких товарищей" и что-ж? — Еврейское племя подняло „гевалт", а газеты во всех странах запестрели строками: „наших душат; наших бьют!" 3-му Интернационалу сразу после этого захотелось об'единиться со 2-м Интернационалом, „чтобы спасать своих"... Еврейская редакция „Социалистического Вестника" перекочевывает из Берлина в Париж... Словом, судя по зарубежным газетам, нет у немцев жизни „нашим", а потому на весь просвещенный мир еврейство в панике орет: „караул!.. ратуйте!.. „наших" душит Гитлер"... и т. д., и в то же время „жиды" — под шумок — свободно выбираются кто куда — во Францию, в Данию, Чехию, Швейцарию, где для неимущих (мелкоты коммунистической) дома-убежища давно припасены, а для толстосумов — потомственных „иерусалимских дворян" — курорты во всех странах открыты.

А вот „там" — в наших краях — 15 лет казачья невинная кровь льется; казачество с корнем вырывается; зверски уничтожается; недавняя расправа красного палача на Кубани Вам тоже не безызвестна... И что-ж... подумала-ли Парижская Казачья „Общественность" в составе 23 организаций и во главе с Войсковым Атаманом хоть слабый протест против зверств коммунистов в казачьих краях организованно поместить?! Такого выступления покамест на лицо не имеется, да и кому из казаков там — в Париже — сказать по правде, придет на ум выступить печатно в защиту своих краев?

Ведь думается мне, что в 23-х казачьих парижских организациях не больше членов, чем в самом Казачьем Союзе... Ведь он, по Вашим словам, фактически уже не существует... Но если допустить, что эти 23 организации все таки значатся, и в каждой из них обязательно имеется: атаман, казначей и писарь, то через умножение 23 на 3 получится точное число, определяющее всю Парижскую казачью „общественность" в 69 человек... Не так уж много, но до умиления утешительно, ибо как это число ни переверни — всегда оно будет показывать цифру „69" и не больше и не меньше. Думается мне, что такой численности Ваша „общественность", что бы она ни затевала, всегда в результате своей деятельности дает казачеству не больше, как нуль, и в отношении всяких возможностей, разных благ, чаяний, дум, и в отношении единомыслия и сплоченности... А потом: добилась-ли Ваша „общественность" у „самодержавного" Донского Войскового Атамана А. П. Богаевского окончательного согласия на созыв в Париже „Казачьего С'езда", и когда это будет? Между прочим, из атаманского оповещения в прессе об этой Вашей затее отдает душком недовольства „избранника народного". А все это происходит от того, что „там" — в Париже — Вы почти все слабенькие и казачьим духом, и казачьей мыслью, и казачьей прямотой... Все Вы там играете в прятки; об истинно-казачьей правде говорите шопотом и зачастую не договариваете, а потому ничего и никогда у Вас не получится, и всего казачества — даже большинства из него— Вам за собою не повести...

И не лучше ль было бы Парижской Казачьей „Общественности" оставить казачество в покое и не мешать работать тем, кто ему желает добра, живет с ним одной мыслью и чаяниями и готов сложить голову за счастье, волю и славу казачью на широких просторах Тихого Дона, Бурного Терека и Многоводной Кубани?!..

Ведь у многих членов Парижской Казачьей „Общественности" и так дела много: то лекции в экономическом Семинаре; то участие в заседаниях „Р. Д. О."; то писание статей в „Последние Новости", либо на задворки „Иллюстрированной России"; то участие в выборах в Русский Комитет с проведением в него (от кого?) Богаевского, Буданова и Мельникова; то воззвание к казакам о сборе 12 тысяч франков; то какая-нибудь очередная демонстрация; то балы; то банкеты с возлиянием в ресторане 1000 коллонн, а то и просто на собраниях ссоры из-за презренного металла и из-за платного местечка... Ведь и ко всему этому нужно подготовиться и затратить время.

А все это рядовое казачество понимает и знает; за всем теперь по газетам следит, набирается уму-разуму, чтоб другой раз не делать ошибок в выборе таких лиц, каких когда-то, по простоте своей сердечной, оно поставило на свою голову и на казачье несчастье.

Вот и это письмо я пишу Вам по казачьи, откровенно, и думаю, что это я делаю в последний раз. Сейчас же пишу Вам потому, что раньше Вы мне первый написали и растеребили своими строками раны моей души, которая теперь Вам, замолчавшему, ничего другого сказать не может, как только одну горькую правду о доле казачьей.

Если и у Вас болит душа о злоключениях казачества, то, надеюсь, Вы мне напишете и ответите и на это письмо и на то, что было мною послано Вам 26 декабря 1932 года.

Будьте здоровы и благополучны!

Известный Вам казак Иван Федотов.

VI.

Многоуважаемый Иван Васильевич!

Прежде всего — Христос Воскресе!

А теперь ответ на Ваше письмо. Возможно, что я не ответил на Ваше предыдущее послание. Я точно не помню, но имею основание предполагать, что адрес Ваш у меня как будто был затерян. Но вот что я помню совершенно точно: Ваше последнее письмо произвело на меня впечатление упадка интереса к тому вопросу, о котором я писал. Это и могло послужить причиной того, что я Вам не написал (повторяю, точно не помню, но, конечно, верю Вам, что письма вы не получили).

На Ваше последнее письмо я в сущности мог бы Вам и не отвечать совсем. Причиной этого служит то, что Вы мне прочитали нотацию, намеками и полусловами даже оскорбили (намеки на материальную заинтересованность и проч.). Но если я пишу, то по той причине, что от встреч с Вами у меня остались добрые воспоминания, и по той причине, что Вы, очевидно, не осведомлены о том, что лично я делаю и к чему стремлюсь.

Как Вам известно, я давно покинул Казачий Союз; покинул его раньше (теперь прошло года 2 с половиною), чем об этом появились сведения в газетах. Причиною этого было прежде всего расхождение с Мельниковым. Я предлагал полную реформу К. С. в смысле превращения его в казачью общественную организацию. Согласие на проведение этой работы я получил, провел ее, договорившись с казачьими общественными организациями. Но Мельников, мою работу, уже законченную, провалил. Дальше я настаивал на введении гласности в финансовые дела Союза. Мне это было обещано сделать, но не сделано. Я подал в отставку. Мельников просил меня не уходить. Я сначала ушел фактически, потом и формально.

Некоторое время я был наблюдателем дальнейшего. Я видел развал казачества. Видел, что К. С. под водительством Мельникова, безотчетно и безконтрольно распоряжавшегося там и боявшегося всякого прикосновения туда казаков, гибнет. Ко мне обращались казаки с просьбами начать работу по об'единению казаков. Пришлось эту работу начать. Смысл этой работы заключается в том, чтобы по возможности соединить казачество, выявить и выяснить казачью идеологию, установить связь с родными краями и готовиться для работы на родине (Весь смысл работы связан с надеждами на провал большевиков). Мы решили созвать казачий с'езд. Но мы не могли сделать этого без Атамана, так как казаки, в особенности в провинции, к нам не пришли бы. Атаман согласился. Но начал с на-

ми борьбу Мельников. Дело это заварилось еще с осени. Атаман дорожил Мельниковым, подчеркивал его заслуги, и это нам мешало привести нашу работу к концу. В настоящее время казачьи организации в Париже производят выборы временного правления К. С. с тем, чтобы потом собрать казачий с'езд и избрать постоянное правление.

Нравится Вам такая наша работа или нет, я не знаю. Может быть, и не нравится. Но я не вижу других возможностей об'единения казаков и увеличения их роли заграницей и в родных краях.

Лично моя роль в этом деле сводится к тому, что от меня требуют работы, и я по возможности стараюсь эту работу выполнять. Я стою именно на той точке зрения, что казаки должны проявить самодеятельность, оставить поведение, в котором есть одно — „слушаюсь". Лично я абсолютно ничем не заинтересован. К карьере в казачьей среде не стремлюсь, жалования не получаю, к казачьей казне отношения не имел, не имею и не желаю иметь. Чувствую себя достаточно самостоятельным и имеющим полную возможность пойти и против Атамана, если то нужно. Вы хотя и иронизируете, что я работаю и там и там, но это мое свободное право. Я и казак, но я и русский. Работаю там, где считаю полезным и где в особенности моя работа приносит вред большевикам. Это единственный критерий в оценке моей общественной деятельности. Поэтому я терпим к инакомыслящим и считаю, что борьба с большевиками (что я почитаю главнейшей задачей эмиграции) требует того, чтобы уметь в разных комбинациях причинять большевикам как можно больше вреда. Я не знаю, буду ли членом правления нового К. Союза. Лично для меня это не так важно. Я уже сделал часть работы, т. е. заставил произвести коренную реформу К. С., где Мельникову, надо думать, места уже не будет.

По совести могу сказать, что я все-таки работаю. но я хотел бы, чтобы работали бы и другие, чтобы работали и Вы и Ваши друзья. Ссориться нет времени, не такие времена.

По совести считаю, что упрека не заслужил. Если кому не нравятся мои взгляды, то мне ведь тоже могут не нравиться взгляды других... Но думаю, что казачье дело может об'единить инакомыслящих в отношении к России. Среди казачьих вопросов нет такого, который мог бы нас разбить. Если это есть, то об'ясняется это тем, что казачьи верхи (я к ним себя отнюдь не отношу) спали и еще спят, казачья масса безнадежно ждала и ждет, когда эти верхи проснутся. Между тем они не только не просыпались, но сон их становился все крепче и слаже...

Мое стремление заключается в том, чтобы взять казачье дело в казачьи руки.

Атаман — знамя. Пусть таковым и остается. Но надо дело поставить так, чтобы казачьи организации направляли бы казачью жизнь. Разумеется, надо при этом уметь сохранить внутреннюю дисциплину и порядок.

На одном публичном собрании, где против меня выступил Мельников, он обличал меня в том, что я поддерживаю связь с самостийниками и с ними переписываюсь. Не знаю, верно ли это или нет. Но думаю, что он разумел Вас. Самостийничество я считаю великим недоразумением. Оно породилось по той причине, что верхи именно спали. Лично я считаю, что самостийничество есть плод недоразумения, результат того, что работа среди казаков была заброшена, что казачья общественная жизнь разрушена, что в частности Мельников боялся казаков, стремился сохранить свою неприкосновенность. Он держался, когда были у него деньги, опираясь не столько на казаков, сколько на средства, которые у него были. К. С. был гнил в самой своей сущности, так как он не был связан с казачьей массой, ею не поддерживался, не был ей дорог и близок. Надо такое положение изменить. Попытаемся.

Не знаю, ответил ли Вам на Ваще письмо. Охотно напишу еще, если Вы того пожелаете. Только избавим себя от взаимных нотаций. Это ни к чему. В особенности эти упреки и нотации не могут быть направлены по моему адресу: я рядовой казак, никаких должностей не занимаю и, в сущности, мне не за что и не перед кем отвечать.

Желаю Вам здоровья и сил. Привет казакам.

Примите уверение в уважении. А. Марков.

18-IV

VII.

Воистину Христос Воскрес,

Глубокоуважаемый Александр Прокофьевич!

Спасибо Вам за память обо мне и письмо от 18 апреля с. г. в ответ на мое послание к Вам от 12 апреля же.

Однако, еще раз заявляю Вам, что на мое письмо от 26 декабря 1932 года Вы мне не ответили, а хотелось бы мне по всем пунктам его получить от Вас определенное освещение. Надеюсь, что к этой просьбе моей Вы снизойдете и тем самым дадите возможность мне и моим друзьям быть в курсе дела парижской казачьей общественности.

Не буду я здесь говорить много ни об Атамане, ни о Н. М. Мельникове, ни об окружении их... Я ведь простой человек, а потому предпочту послушать, что в конце концов о них скажут и другие. То же, что о них уже оттиснуто в печати, мною со вниманием давно прочтено, глубоко продумано, сверено со всей их деятельностью и в душе вынесено определенное мнение, а именно, что для нашего Войскового Атамана и Председателя Донского Правительства Н. М. Мельникова казачество не только пустой звук, но и ненужный и досадный в их эмигрантской жизни баласт. И мне кажется, что эти казачьи „верхи" теперь дорого заплатили бы за то, чтобы на глаза простого станичника не попадались бы такие „вредные" книги, как: Донская Летопись, Россия и Дон — проф. Сватикова, Казачество, Казачьи Думы, Казачье Слово, Казачье Дело, Родимый Край, Казачий Путь, Путь Казачества, Голос Казачества, Вольное Казачество, Станица — тощая и бесцветная, разного рода Вестники, Информации и прочие казачьи брошюры и листовки. Возможно, что казачьим „верхам" иногда досаждают и русские зарубежные газеты, которые нет-нет да и втиснут на своих столбцах какой нибудь казачий вопрос и тем самым заставляют рассеянных по городам и весям рядовых казаков примерять

Повышение ген. Богаевского.

В русской парижской газете „Единый Фронт" (№ 11 за настоящий год) распубликован секретный приказ ген. Миллера от 27 июля с. г. за № 29 следующего содержания:

„Приказами Р. О. В. С. за № 27 и 28 был, для разбора особого дела, учрежден суд чести для генералов при мне, в составе председателя ген. от кавал. Драгомирова и членов: ген. от кав. Кауфмана-Туркестанского и Эрдели и ген.-лейт. Богаевскаго и Твердого...

Ввиду возможности и в будущем рассмотрения таких дел, в которых оскорбленными могут оказаться высшие чины Р. О. В. С., подчиненные непосредственно мне, приказываю суду чести быть постоянным судом чести для генералов при мне. Ген. Миллер. Ген.-лейт. Стогов".

— Радуйтесь, „русские казаки", как самый обыкновенный русский генерал „назначает" и „приказывает"... президенту В. В. Д...

По имеющимся у нас сведениям, вскоре последует назначение ген. Богаевского ординарцем при ген. Миллере.

каждое это печатное слово к прошлому казачества, настоящему и будущему его, т. е. что и к чему подходит, что выгодно для казачества с его точки зрения, а что должно быть крепко записано в душе, чтоб в будущем опять не опростоволоситься. А такому подходу к затрагиваемому в газетах вопросу, тесно связанному с казачьими делами, научило многих казаков наше же Донское Правительство, когда оно „не спало" и чувствовало немножко ответственность перед своими избранниками и перед казачьей общественностью. Вот к примеру, поищите в Архиве Казачьего Союза книжку, изданную в 1921 году в г. Константинополе на правах рукописи под заглавием „Отчет о деятельности Донского Правительства за границей по 25 сентября 1921 года"... На этой книжке красуется: „Утверждаю. Донской Атаман Генерал-лейтенант Богаевский. 26 сентября 1921 года". Книжка не особенно об'емистая — всего в 109 страниц, но для казачьих размышлений она дает много такого материала, что он даже и самостийников за пояс заткнул. Ведь в ней каждое слово у т в е р ж д е н о Донским Атаманом, а это что нибудь да значит.

Я не буду говорить сейчас о книжке; в другой раз когда нибудь подробно выскажу свои мысли о ней, но мельком на желание парижской общественности сплотить казаков скажу ее словами: „Казачеству пора быть орудием в руках политических партий или лиц". (См. 6 стр.). „Казачеству не нужны посредники в защите его интересов. Оно отстаивало их с оружием в руках и в борьбе выковало государственные формы, которые раздавила только сила... Казаки сами по себе партия, партия земледельцев... Им по пути с крестьянскими партиями европейских стран" (см. 25 стр.)...

Не правда ли, что от этих строк казачьим духом не только веет, но и приятно пахнет?!

„Не известно, как будет" (так пропечатано в книжке и утверждено Атаманом), „освобождаться и исцелиться Россия"... (см. 6 стр.), а потому я вполне присоединяюсь к Харламову прежних лет, когда он 18 декабря 1920 года писал Донскому Атаману: „надо ограничить свои задачи борьбы пределами своей территории и т о л ь к о... Так давайте мы будем р а б о т а т ь над с в о и м к у с к о м и д у м а т ь о н е м и г о в о р и т ь о н е м. Вот моя (Харламов) позиция"..., но совершенно не понимаю В. А. Харламова 1932 года, когда он на страницах „Последних Новостей" по казачьему вопросу запел песню другую, об'единился с Деникиным и, видимо, готов с казаками „в пятый раз идти (а ходил ли он?) путем" прошлой „вооруженной генеральской борьбы с большевиками"...

А лично Вы как по этому вопросу думаете?..

К моему же удивлению, „Возрождение" в одной из своих статей преподало и Деникину и Харламову уроки из истории прошлых взаимоотношений между окраинами и центральной властью в России. Вы, конечно, читали прекрасную статью Семенова в № 2754 „Возрождения"...

Много и очень много своих мыслей по казачьему вопросу я мог бы Вам написать, да думаю, что Вы далеко больше меня знаете, а потому, заканчивая на этом, от чистого казачьего сердца Вам скажу: если „казачьи верхи" искренно хотят казачеству добра, думают им и в дальнейшем руководить, сплотить всех казаков в одно такое целое, которое забыло бы и простило бы все прегрешения своим водителям, то этим „верхам" прежде всего следует мужественно стать исключительно на путь „Основных Законов Всевеликого Войска Донского", принятых Большим Войсковым Кругом 15 сентября 1918 года, и не истолковывать их произвольно. (Интересно мне знать: принимаете ли Вы безоговорочно все статьи „Оновных Законов В. В. Донского, утвержденных В. Кругом 15 сент. 1918 г.?).

Так пусть же Донской Атаман здесь — в изгнании — торжественно, как „Верую", прочтет перед всем казачеством „Основные Законы Войска Донского" и даст нелицемерное обещание точно выполнять все статьи их!!

Если у Донского Атамана хватит духа стать на казачий шлях, и это произойдет в торжественной обстановке, то Вы в самый короткий срок будете свидетелем чуда сплочения, порядка, дисциплины, почитания и единомыслия у всех казаков в зарубежье, т. е. всего того, чего Вы сами желаете... В противном случае все пожелания Ваши, как бы они ни были хороши, а также кого бы то ни было из Атаманского окружения, абсолютно не дадут никаких положительных результатов, ибо на настоящем шляхе давно вырыта не казачьими руками глубокая пропасть. Правда, нужно быть мужественным и с неподдельной душой казаком, чтоб перешагнуть эту искусственную яму. Но всетаки одиночки-казаки и раньше этот барьер брали, а теперь без страха и сомнений целыми группами эту яму успешно преодолевают, а вот когда настанет благоприятное время, то дружно крикнут на весь мир: „да здравствует казачество и наша Родная, кровью храбрых и мучеников политая Земля!.."

Нравится ли Вам то, что я сейчас пишу, или нет — я не знаю... Но я — природный Донской казак; Войску Донскому присягу принимал и этой присяге изменять ради личных выгод никогда не стану, а потому и пишу Вам то, что думаю. Буду ждать Вашего подробного письма на мое к Вам послание от 26 декабря 1932 года. Надеюсь и на то, что и по содержанию этого письма Вы так же выскажетесь, а в частности на два заданных Вам в нем вопроса.

Будьте же здравы и казачьим духом сильны!

Известный Вам казак Иван Федотов.

1933 г. 24 апреля, Roubaix (Nord).

P. S. В газетах я вычитал, что Парижская студенческая станица решила 22 апреля танцевать, а потому назначенное на сей день собрание представителей донских организаций отменяется и переносится на 25 апреля. Конечно, танцы куда интересней, чем какое либо деловое собрание!! Вот Вам и начало!..

VIII.

Милостивый Государь, Александр Прокофьевич!

Итак, хоть Вы и обещали ответить мне на вопросы моего письма от 26 декабря 1932 года, но слова своего доселе не сдержали и даже не сочли нужным обмолвиться несколькими строками на мое последнее к Вам письмо от 24 апреля с. г.

Из этого я заключаю, что Вам: или кто-то запретил (об этом у нас ходят слухи) переписываться с теми казаками, кто думает по станичному, или же Вы сами не хотите сказать мне казачью правду и, сокрушив Н. М. Мельникова, предпочитаете теперь быть во всех отношениях приятным ген. А. П. Богаевскому...

Что-ж: поступайте и дальше так, как Вам выгодней! Это ведь — Ваше право, но всетаки не забывайте, что и Вам казачью массу не удастся за собою повести... Казаку мил и нужен казачий шлях, а не та засоренная и заросшая чертополохом Московская дорога, на которую Вы под разными посулами его тянете... Ведь еще раньше Вас некоторые многомудрые „вожди" казачества пытались в г. Париже сделать то, с чего теперь Вы начинаете, а именно: казачий дом, курсы, лекции, взаимопомощь, устройство на работу и т. далее. И все это рухнуло, потому что не было поддержано казачеством...

Конечно, и Вы некоторое время поиграетесь в „казачью общественность", да так на этом со всем своим „вр. правлением казачьего союза" и застынете, потому что на „Казачьем Доме" г. Парижа Вы до сих пор еще не поставили вывеску в духе „Основных Законов Всевеликого Войска Донского", да и хватит ли у всех Вас казачьего духа решиться на такой шаг? Если же на „Казачьем Доме" в г. Париже не будет ясной вывески, то, смею уверить Вас, в конечном итоге всей Вашей плановой деятельности об'единить казачество, получится мыльный пузырь, который лопнет и не оставит по себе следа.

Итак, Вы не ответили мне на мои вопросы...

За это я нисколько не обижаюсь на Вас, а наоборот — очень даже Вас благодарю, потому что Вы своим молчанием помогли мне, да и моим друзьям тоже, стать вольным казаком и окончательно присоеди-

ниться к тем, кто, во имя любви к своему Родному Краю, без боязни проповедует казачью правду; хочет казачеству только одного добра; работает, не опуская рук своих, на восстановление славной — былой Казакии и, конечно, находит время у себя, чтобы ответить всем казакам на их запросы, думы и чаяния.

Таковым лицом является давнишний борец за казачью долю и сам казак душой И. А. Билый... Хвала же и честь ему!

Недельки через две я и пошлю казаку Билому для напечатания в „Вольном Казачестве“ всю переписку, которая была между нами, т. е. все Ваши ко мне и мои к Вам письма. Пусть казаки зарубежные почитают да поразмыслят над тем, что думал и думает простой казак, и как к этим думам его отнеслися Вы, начавши с ним переписку.

Известный Вам казак Иван Федотов.

1933 г., августа 20 дня. Roubaix (Nord).

Де-що „Розбудові Нації“.

Ми не раз говорили вже на сторінках „В. К.“ про те, незрозуміле нам, негативне відношення, яке виявляють де-які українські політичні кола до визвольного вільнокозацького руху. Говорили ми і про причини того, доводячи, з свого боку, необхідність козачо-українського порозуміння.

Однією з причин негації козацького самостійницького руху з боку українців ми виставляли незнання тими українцями Козацтва, взагалі, яко-ж і відсутність бажання таке знання набути. Що такі наші твердження правдиві, можемо показати на такому прикладі.

Перед нами 7—8 число „Розбудови Нації“ за цей рік (липень—серпень). В цьому числі є стаття п. Булавенка під назвою „До східних проблем України“. Отже, в цій статті находимо таки данні, що до населення Козачих Земель (див. стор. 168):

	Всього населення:	З того козаків було:
Дон	4.013.400	1.600.000
Кубань	3.051.200	1.460.000
Терек	1.314.900	260.000
Ставроп. г.	1.353.500	—
Черном. г.	201.800	—
Астрах. г.	1.427.300	42.000
Разом	11.362.100	3.362.000

Ці цифри, я каже п. Булавенко, взяти на 1 січня 1915 року. Виходячи з цих данних, п. Булавенко вирахував процент козакив в Козачих Землях на 29·6% (двадцять девять і шість десятих %).

Маємо і ми свої данні, можемо порівняти і хочемо сказати де-що про цифри п. Булавенко.

Перш за все — що до цифри населення на Тереку, яку п. Булавенко подає в 1.314.900. Подаючи цю цифру, п. Булавенко забув, очевидно, додати, що він рахує сюди і всіх правобережних (на Тереку) горців та частину Дагестану, яких ми, козаки, до себе зовсім не рахуємо. Отже, коли відкинуть 1.000.000 (один міліон) горців з їхньою територією, якої ми теж в кордони козачі не зараховуємо, то цей відкинутий міліон значно збільшить %% козаків в данних п. Булавенко.

Візьмемо далі данні п. Булавенка по Астраханській губ. П. Булавенко населення Астраханської губ. подає цифрою 1.427.300 душ. — Звідки цю цифру взяв п. Булавенко, це є його таємниця. Але ж порівняймо з дійсними данними (див. И. Билый: Казачьи Земли, 1928):

По переписі 1897 р. населення Астрах. губ. було 788.000 душ. В 1913 р. — 1.039.000. В 1920 — 852.000 і в 1926 — 900.000 (всі цифри разом з калмиками).

Отже, правда, що є ріжниця?

Нам не йде зараз про те, щоб перевіряти всі цифри „Розбудови Нації“ та підраховувати точну цифру козачого населення. Нам іде зараз лише про демонстрацію того, якими методами користаються де-які українці для зневаги козачого питання. — Чи допомагають такі методи до порозуміння між козаками та українцями, чи може роблять противне, — хай на це дають відповідь самі українці.

[До речі. Коли використать правдиво данні переписі 1926 року, то в тих самих областях, в яких п. Булавенко нарахував козаків 29·6%, ми нарахуємо 48%. Але треба до цього подати ще, що в останні 52% входить і те „колонізаційне населення“ останніх часів, якого ми не рахуємо і не будемо рахувати горожанами Козакії. Цим % козаків ще збільшеться.

Далі: ми чекаємо і надіємось, що з другої половини населення, так зв. „іногородніх“ (старих), українська частина, що нараховує приблизно 27% всього населення — що ця частина перестане підтримувать московських большовиків на наших Землях (як це робила під час боротьби) та піде надалі з козаками, як не тратимо надії і на те, що піде де-який % с козаками і з тих старих поселенців росіян, що нараховують у нас яких 18% і яким московські большовики теж залили сала за шкуру...]

Шоби підкреслить ще раз, яких аргументів вживають де-які соборники проти козачого питання, наведемо тут же, як вони одночасно збільшують своє значіння. Після своєї знаменитої таблиці (див. стор. 168), п. Булавенко завважає: „Отже, козаче населення в цих областях становило трохи менше $^1/_3$ всього населення краю. За даними проф. Рудницького... кількість українського населення Південно-Східного Краю тодіж (себто, на 1 січня 1915 р. Ред.) становила приблизно $5^1/_2$ міл. душ, з того горців було коло $1^1/_2$ мілійона.“

Ми навмисне не писали нічого про статтю п. Булавенка до цього часу, чекаючи появи числа 9—10 „Р. Н.“, сподиваючися, що в тому числі появляться оправи. Але, очевидно, і п. Булавенко і редакція „Р. Н.“ всі ті „данні“ рахує (чи видає) за правду.

Не хочемо тут підкреслювать де-яких висновків, хочемо лише запитати:

Для чого ви, брати українці, все це робите? Кому і яка від того буде користь?

Павел Поляков.

Казачьи фельетоны.

5-е октября. Русская жандармерия празднует свой праздник. Вместе с нею и Богаевские, Науменки, Шкуры, Звегинцевы и иные.

В Белграде, конечно, молебствие. Даже Н. Д. Дувакин участие принял. Николай Дмитриевич! А ведь это выходит дело — Вы в лоно Об'единенного совета Д. К. и Т. вернулись? Ну, что-же! На здоровье!

А после молебствия парад закатили. Возле русской церкви. Тут вам вот — народ, а там вон — церковь... А прямо, на плацу, взглядом не окинешь, — 6 человек войска изображают, каждый норовит дивизией выглядеть! Гвоздем этой комедии был господин Звегинцев — Науменкин помощник и, судя по фамилии, — коренной черноморец.

По случаю торжества господин Звегинцев приоделся. Зафорсил. Пальто — времен севастопольской обороны, шляпа — три дня телок жевал, галстух — веревочкой. Подскакивает это он к полкам... тьфу, запишется. — Доплелся это он к шести героям и орет:

— Здр...расьти ар...лы!!

Те, конечно:

— Гам...гам...гам...тво!

После сего, к бесконечному удовольствию зевак и уличных мальчишек, господин Звегинцев речь закатил...

Иные зрители со смеху навзнич падали.

„Ну, говорят, и братушки, ну и русы — уморили, черти".

А когда все громовые речи кончились, и войска разошлись, господин Звегинцев стал этак, выражаясь языком военных специалистов, — справа по три заезжать. К высоким лицам. Подскочит, ощерится и лепортует: „Их высокоблагородие, генерал Шкуро, изволят просить вас (имя — чин рек) — откушать хлеба и соли...

... После парада, в следующее воскресенье было пьянство с джигитовкой и — ей ей не вру — производства нескольких в урядники, иных в вахмистры, а кого-то самого хитрого — в ахвицеры!

На 13 году беженства сей герой хорунжим стал... Поздравляю, господин ахвицер, от душе!

Науменко их произвел, а Саломахин приказ вычитывал. Ну, да это не так важно... беда в том, что онито производят, а их — позабыли. И что там покойный Кутепов думает пли Миллер!

Кабы я был Миллером, я бы и их произвел. За ревность! И приказ бы изобразил:

„Генерала Науменко — назначаю фельдцейхмейстером двора с правом ношения жандармской бляхи с номером.

Генерала Шкуру — произвожу в мандарины и дарую нагрудный знак с надписью — „и разбил я сто городов"...

Саломахин — для него восстанавливаю орден опричников — метлу и собачью голову — за неимением седла и коня, пусть носит в руках.

Донское правительство — награждаю медалью; с одной стороны изображение донской казны, с другой — надпись: „не нам, не нам и не табе".

Вот как бы я на месте Миллера поступил.

В последнем номере „Кавказского казака" ген. Науменко опять приказик строчит. В нем сознается, что вольными казаками был бит, и своим орлам больше ругаться площадной бранью не приказывает. Это приказик! А через 2 страницы какой-то храбро не подписавшийся по адресу одного вольного казака пишет: „Эта, поистине, отрыжка революции" и т. д.

Я, конечно, псевдонима не знаю. Но хотел ему сказать: Милочка! вы, конечно, повидимому, душка и пупсик, но зачем же хамить?.. вам же генерал не велел... Зачем же показывать извозчичий темперамент и словарь, когда генерал серчают? А! Кстати, вы — не новоиспеченный ли офицер?

А Науменке хочется сказать: Слышь, дяденька, бáхни им еще приказик, только пусть его Саломахин составит... У него словарик — на ять... он сразу их с папы и мамы начнет крыть... А то не слухаются... Что поделать —

Обращенье панское,
Воспитанье... тонкое...

как пели во время революции...

В учреждении, называемом „русское офицерское собрание", некий Персиянов выступил с докладом о самостийниках... Говорил долго... и удивлялся: — Ну, где, говорит, у Разина — Казакия? Где, говорит, у Пугачева идея казачьего государства?... И т. д. и т. д.

И закончил: „а впрочем, власть сумеет справиться с самостийниками"...

Во! так нужно бы было с самого начала, не выдумывая утверждений, вольными казаками нигде не высказанных... Сказал бы просто: мы, русские люди, перевешаем, перепорем вас, на кол посадим! Во фрунт!

Ширмы ген. Богаевского.

К сожалению, по своим знаниям я от журналистики очень далек. Иначе, я бы зловещий сказ сказал о казачьих „вождях" общероссах, о их предательской работе перед Казачеством и каз. историей.

Бывают времена, когда и история признает дни веселья и разгула, что замечено в жизни: в дни побед или вообще после исполнения вождями того или иного народа своих государственных задач, что мы ныне видим и наблюдаем как-то: в Турции, в Чехии, в Польше, в Германии и т д.

Допускаются иногда исключения для веселья, но с расчетом не во вред своего народа, с тем, чтобы не повредить своим государственным интересам перед мировой общественностью. Но, однако, „людишки", измеряющие свои знания и способности в гражданской жизни зигзагами генеральского погона, не учитывают, что гражданская жизнь — не военная жизнь, и что первая по своей структуре гораздо сложнее и совмещает в себе все оттенки радуги жизни. Непонимание политической жизни и ее явлений можно встретить в нашей каз. жизни, как печальный фактъ. Там — в Родных Краях — пухнут и мрут наши братья казаки от голода, а здесь, в эмиграции, ген. Богаевский отдает распоряжение о балах: „Донской казачий бал предполагается в декабре с. г. или в январе 1934 г., общеказачий — весной будущего года. Ген.-лейт. А. Богаевский".*)

Отдав распоряжение, ген. Богаевский спешит прикрыться ширмой казачьей общественности, о чем имеем подтверждение в недавнем газетном сообщении: 31 октября состоится собрание представителей донских и обще-казачьих организаций в Париже под председательством донского атамана ген. А. П. Богаевского, в помещении Казачьего Союза (91, рю Лекурб), в 20 ч., для обсуждения вопроса об устройстве в этом сезоне донского бала. Вызываются представители следующих организаций: л.-гв. казачий п-к, л.-гв. атаманский п-к, л.-гв. казачья батарея, атаманское военное училище, казачий союз, донской офицерский резерв, студенческая и калмыцкая станицы; союзы и общества: донских кадет, донских артиллеристов, партизан-степняков, партизан-чернецовцев; общеказачья касса взаимопомощи в Биянкуре". (См. „П. Н." от 27 октября с. г.).

Устраивая балы, как бы с благотворительной целью, в такое тяжелое время, ген. Богаевский, очевидно, не замечает, что он этим самым выставляет казачью общественность иностранному миру балериной, танцующей на опухших и распухших телах своих братьев казаков...

Желание Богаевского, конечно, ясное — показать внешнему миру, что с ним и за ним все казаки: в полках, в обществах, в союзах и в станицах, и тем внести сомнение в ряды остальных казаков. В подтверждение таких многих предположений, сошлюсь на данные прошлого года: „Завтра — бал казачьих организаций. Знаете, сколько их в Париже? Их — 23. И все эти 23 организации, возглавляемые донским атаманом А. П. Богаевским, об'единяются завтра в мраморном и других залах 15 аррондисмана — за прекрасной программой, песнями, танцами, казачьим лихим весельем". (См. „Возр." № 2782 за 1932 год).

Зададим вопрос: а знают ли эти об'единители, которые об'единяют казаков „за прекрасной программой, песнями и танцами", что в нынешнем году на „Войсковом Празднике", который был устроен ген. Богаевским „по установленной традиции 22 октября", было (на банкете) из 23 каз. организаций, об'единившихся за прекрасной программой, не больше 50 казаков (См. „П. Н." от 24 окт. с .г.), т. е. на каждую организацию приходится 2 казака.

Теперь, во избежание возможных сомнений, коснемся полков и в частности л.-гвардейского полка, который справлял свой полковой праздник 14 октября с. г. На полковом празднике, с пришедшими и приписными

*) См. „П. Н." № 4588 от 14 окт. 1933 г.

казаками, было 15 чел., в том числе генералы: Богаевский, Оприц, Абрамов и Упорников.

Конечно, можно не забывать праздник полка или светлую память тех или других, но это не дает права заниматься искажениями для обмана себя и втиранием очков другим, тем более недостойно заниматься балетными афишками, когда Казачество в своем целом вымирает от голода.

Братья казаки, чтобы в будущем нас, казаков, ген. Богаевский не представлял международной общественности в кривом зеркале, нужно следить за своей казачьей политической жизнью точно так, как дома мы следили за своим собственным хозяйством.

Собственное хозяйство казака является для него как бы государством с своей собственной хозяйственной политикой; чем внимательнее казак следил за жизнью своего собственного хозяйства, тем он зажиточнее жил. Точно так надо было бы нам, казакам, в прошлом следить за всей жизнью своего Казачьего Государства.

Тот, кто избегал следить за своим хозяйством, тот вынужден был влачить свою жизнь с сивкой или идти в работники.

Мы, казаки, с 1917 по 1920 г. не следили за политической жизнью своего Государства, доверив ее ген. Краснову с Каревым и ген. Богаевскому с Мельниковым, а поэтому и получили в удел положение международных рабов, а в наследство — голод.

Те из казаков, которые отказываются от политики, являются всего лишь ширмой для проводников рабства и нового голода.

Избегая будущих последствий, мы, казаки, должны идти к политике и через политику — к свободе своего народа и своего Государству.

Ал. Ив. Лебедкин.

1 ноября 1933 г. Париж.

Казачья эмиграция.

На Большой Круг ВК.

Поступило: от Н. Боровлева (из Бельгии) 100 кч.; от В. Федосеева (из Франции) 10 фр. фр.

В. К. станица в Берлине.

I.

Г-ну Председателю Центрального Правления В. К.
Инж. И. А. Билому.

Сообщаю, что в субботу 21-го сего октября в городе Берлине учреждена Общеказачья Национальная Станица, как духовный об'единяющий центр для казаков, пребывающих в Германии. Станица составилась из казаков разных Казачьих Войск, открыто, смело и чистосердечно исповедующих Вольно-Казачью Идею и всегда готовых за свое Родное отдать последние свои силы. Станица регистрируется нами у Германских государственных властей...

Правление станицы обеспокоено сейчас отысканием путей и средств к усовершенствованию своей организации, приданием ей прочного, творческого организационного характера и завоеванием симпатий среди иностранного общества. Мы ясно сознаем всю тяжесть взятого на себя труда, но Господь Бог и наша Казачья Природа помогут нам выполнить его с честью во имя своих славных прародителей, в пользу Родного Казачества.

Когда Казачество физически и морально, в нечеловеческих муках, истребляется, когда встает гнетущий душу вопрос — быть или не быть Ему — то для каждого казака, по жилам которого еще течет и греет кровь своих предков, не может быть ничего другого, как только дружно, в оправдание своего Рода, стать под свои истинно-Казачьи знамена и во всеуслышание, громко и честно подать свой голос в Его защиту. Тем же, будем надеяться, немногим казакам, усердно уговаривающим своих же казаков служить чужим и чуждым для Казачества интересам, остается продолжать упражнения в своем мастерстве. Пусть за них думают и об их личных интересах заботятся разные господа, совершенно не понимающие или не желающие понять казаков; они так, видимо, привыкли; а ведь говорят, что привычка есть вторая натура; по жилам их или не течет уже та рыцарски-благородная кровь, что дала казачеству Мировую Славу, или же оторванность от своей среды помутила их разум и перепутала деятельность. Голос всех таких господ, как бы ни ловко он был прикрашен различными ухищрениями в красных словцах, не найдет больше искреннего отклика в истинно-казачьей душе. Такие господа пользуются, пока что, большой неосведомленностью казачьей массы о настоящем, правдивом положении кавачьего вопроса, но так продолжаться долго не может, шила в мешке не утаишь, казачья истина должна победить.

Руководимая глубокой любовью к дорогому, родному Казачеству, ставя Его насущные интересы превыше всего, наша станица будет служить Ему одному под своими собственными истинно-Казачьими Знаменами. К этому зовут нас святой долг и веление потоков крови погибших и погибающих лучших сынов великой Казачьей Семьи.

С нами Бог!!!

Представляя при этом приговор № 1-й и устав станицы, просим Вас считать нашу станицу в организованных рядах Вольного Казачества, быть нашим духовным центром, из которого мы будем черпать силы для лучшего служения своим казачьим интересам, не оставлять нас без моральной поддержки, необходимых инструкций и широкой информации,

Храни Вас Бог на пользу Казачества.

С вольно-казачьим приветом
Атаман станицы под'есаул **И. Овсяник.**
Помощник атамана, хорунжий **В. Бабич.**

II.

21 октября состоялось первое собрание вольных казаков г. Берлина, которое положило начало существованию здесь Вольноказачьей станицы.

Идея создания самостоятельной организации давно уже волновала казаков-самостийников, но осуществлению ее всегда что либо мешало. Необходимо отметить, что в настоящее время Берлин является крупным политическим центром, и потому, при создании подобного рода организаций, требуется особый такт и сугубая вдумчивость. Материала было достаточно, все сознавали необходимость такого об'единения, но затягивались разговоры о формах и о тактике при выполнении намеченной цели. Наконец, сговор был достигнут, и 21 октября 1933 г. является исторической датой в жизни В. К. в Берлине. Станица организована, Правление избрано, установлен членский взнос, намечены ближайшие вопросы на очередь дня, остались лишь формальности административного характера. Но и эти вопросы будут разрешены в течение ближайших дней. По Германским законам, с момента подачи устава на регистрацию, организация имеет право приступить к своей деятельности.

Во главу угла работы станицы поставлена организация ряда лекций и докладов, семейных вечеров, кассы взаимопомощи, врачебной и юридической помощи, общение с иными, однородными организациями, а главное, поддержание честного имени казачьего и борьба с укоренившейся в эмиграции „казакоманией" людей в черкесках, ничего общего с казачеством не имеющих.

Необходимо отметить то единодушие, с каким прошел учредительный сбор: все вопросы решены были единогласно, единогласно было избрано правление и ревизионная комиссия. В правление избраны: атаманом — под'ес. И. Д. Овсяник (кубанец), его помощником

— хорунж. В. И. Бабич (кубанец), писарем — сотник М. Д. Шереметьев (уссуриец).

В ревизионную комиссию избраны: М. М. Пономарев, Л. П. Калмыков и А. К. Копотков (все донцы).

Сбор горячо приветствовал своих избранников, обещая им всемерную свою поддержку и выразил готовность всегда стать на работу по первому призыву атамана и правления.

В число почетных членов станицы единогласно зачислен недавно посетивший Берлин атаман Вольно-казачьего хутора в Бельгии, донец И. П. Егоров.

(Соб. Кор.).

В В. Бечкереке.

ПРИГОВОР № 22.

Мы, нижеподписавшиеся должностные лица и казаки Кубанской станицы в гор. Вел. Бечкереке, на своем станичном сборе 22 октября 1933 года под председательством Станичного атамана, вахмистра К. Ачмизова, по обсуждении создавшегося положения казаков за рубежом, постановили:

1. Определенно стать на Вольно-Казачий путь.

2. Приветствовать редакцию „Вольного Казачества", взявшую на себя инициативу по созыву вольно-казачьего С'езда.

3. Всемерно поддержать пражский центр Вольного Казачества во всех его начинаниях.

4. Интересы Казачества — для нас наивысшая задача во всех ее возможных проявлениях.

5. Открыто и во всеуслышание порицаем всякие политические выпады наших противников, ибо только об'единене наше казачье может спасти казаков.

6. Приветствовать журнал „Вольное Казачество", который во всем выражает наши мысли и желания и свободно и открыто борется за нашу Волю Казачью.

7. Считая, что вольность для всякого казака есть его первая характеристика, обращаемся ко всем нашим братьям казакам с призывом придти в свою казачью вольную семью, оставив все политические дрязги авантюристам.

8. Считаем нашим смертным врагом коммунистов, которые уничтожили в наших Краях Казачью волю.

9. Вождям Вольно-Казачьего движения говорим: „В добрый час, на добром пути".

10. Оказывать, по мере наших сил, материальную поддержку Вольно-Казачьему движению.

11. Единодушно выражаем наше полное доверие старому станичному правлению.

12. Настоящий приговор отослать:

а) в Окружное Правление в г. Белграде.

б) в центр Вольного Казачества в Праге.

Станичный Атаман **Ачмизов К.**

Стлничный писарь **Захар Кобазев.**

Члены станицы: *Беляков Петр, Назаров Исидор, Павлов Иван, Петр Коришка, Ташнев Владимир, Мирошник Яков, Агульшин, Бондаренко Илья, К. Паливода.*

Великий Бечкерек.
22 октября 1933 г.

Наш призыв.

Многоуважаемый станичник Редактор!

Мы, группа вольных казаков, обращаемся к Вам с просьбой напечатать в нашем Вольно-Казачьем органе нашу просьбу — воззвание к казакам, находящимся в Польше. Может быть, наше воззвание не красноречиво, может, оно безграмотно написано, но оно исходит из изболевшейся по родным степям казачьей души.

Станичники!

Прошло 13 лет с тех пор, как мы были приведены красными поработителями нашей родины к границам Польши, которая так же, как и мы, стряхнув с себя власть единонеделимой России, геройски боролась за свою волю и независимость с наследниками царей московских — красными единонеделимцами.

Мы, казаки, поняли, за что боролись поляки, и что хотели от нас красные. Мы поняли, что поляк — наш союзник, и смелым, решительным шагом мы перешли линию геройских войск Польши с целью совместной борьбы против Москвы.

Но кончилась война Польши с Москвой, — и мы были уже ненужны на фронте. Нас интернировали. Тяжко нам было. Тяжелее всего была дума о воле и доме. Оказались среди нас и малодушные, которые протянули руки палачам, испокон веков терзавшим Казачество. Но у большинства крепок был казачий дух, крепок, как сталь!

Из лагерей, хоть слабые здоровьем, но твердые духом, твердые сознанием собственной силы казачьей, пошли казаки добывать себе хлеб насущный. Но не для каждого судьба оказалась родной матушкой: для многих она была суровой мачехой. Одни зажили сносно, другие же оставались временами без куска хлеба. Почему же это так? А потому, станичники, что, будучи разбросаны по чужим городам и селам, мы только жалуемся на свою долю беженскую. Мы забываем, что мы — казаки, потомки Стеньки Разина, Булавина, Грузинова, Кулабухова... Очутившись в беде, мы не думаем о сплоченности. У нас нет силы воли, нет единства, этого всепобеждающего союзника в беде. Мы не протягиваем братской руки друг другу для об'единения. Нам кажется, что мы на чужой земле — как у Христа за пазухой. В родном же Краю пусть делается, что угодно, лишь бы мы были спокойны! Но нет, не будет так: погибнут наши родные, — доберутся красные земляки и до нас. Им постыл казачий лампас, прославившийся на весь мир!

Станичники! Наша Казакия славилась раньше тем, что чутка была к чужой беде. Почему же, в то время, как наши родные казаки гибнут, изнемогая в неравной борьбе, мы равнодушны и раз'единены?

Не пора-ли, станичники, об'единиться и поддержать, хотя бы морально, ту истинно-казачью организацию, в первых рядах которой стоят вожди, говорящие, где нужно, от лица организации, ими возглавляемой. Когда вождь знает, что за ним стоят твердой стеной его братья-единомышленники, тогда и он будет смелее.

Не нужно нам шуму и громких лозунгов. Тихой, но упорной работой мы достигнем своей цели.

Посмотрите, станичники, на тех, кто нас выгнал из родных куреней: у них все организовано, и поэтому они сильны.

Мы, группа вольных казаков, призываем вас, родные станичники, организоваться во имя борьбы за вольную Казакию и смело стать под знамена нашего казачьего движения, под знамена В. К. Придет время,— и мы, под звуки родных гимнов, пойдем от Вислы и Немана на родные Дон, Кубань, Терек и Урал.

И так, с Богом за дело!

С вольно-казачьим приветом:

Петр Зазулин, Федор Сафонов, Алексей Третьяков, Михаил Третьяков.

1933 г. 20-Х. город Остров-Ломжинский
(Польша).

В Виши.

Многоуважаемый г. Редактор!

Не откажите в любезности поместить в нашем родном журнале следующее:

Мы, вольные казаки, проживающие в гор. Виши, желаем быть сильнее и крепче.

29-го октября постановлением сбора наша Вольно-Казачья группа образовала куринь имени К. Л. Бардижа, о чем уведомляем наш Вольно-Казачий Центр и просим считать нас, как истинных борцов за нашу казачью честь.

Наш Вольно-Казачий Куринь об'единяет нас Казачьей идеей, и преисполнены мы безграничной любви к нашим родным Краям.

Мы, вольные казаки, клянемся стоять смело и твердо на своем пути и идти широким шляхом к заветной цели — Казакии.

Да здравствует наш Вольно-Казачий Круг и с ним наш Атаман!

Да будет светлым наш путь к освбождению!

Атаман Вольно-Казачьего Куриня имени
К. Л. Бардижа **В. Н. Федосеев**
Секретарь **И. Д. Попов.**

Ответ „обиженным“ русским казакам.

(Письмо в редакцию).

В младоросской ежемесячной газете „Казачий Набат“, от 28.VII. с. г. № 9, помещено постановление, написанное еще 29.I. с. г., от имени общего собрания казаков, живущих в Новом Саду, в защиту г. Протопопова, уже осужденного Белградским окружным судом на 10 дней тюремного заключения и к плате судебных издержек, а также суточных обвинителям и свидетелям.

Постановление это носит характер мести со стороны сотн. Ф. Калмыкова-Дьяченка, чин. А. Юрченко и ур. А. Плетнева за то, что станичным сходом они были исключены из состава членов возглавляемой мною станицы.

Постановление, подписанное лицами из Р. О. В. С. и легитимистами, не соответствует действительности; в противном случае издающиеся в Белграде „Русский Голос“ и „Кавказ. Казак“ не отказали бы просьбе поместить его на своих страницах.

Две трети подписанных — действительно казаки, из коих половина живет в Н. Саду, другая же вне.

Мне известно от некоторых из них же (подписавших „постановление“), что многие из них на этом сходе не были, а их подписи отбирались в порядке спешности, где попало и без прочтения содержания постановления.

Одна треть — иногородних, и почти все в офицерских чинах, как например, полк. П. Бузун; ес. Бартоломейчук, делавший доклад; ес. Коцовский, председательствовавший на сходе; ес. А. Сазонов, ес. Чумак-Чумаков, сотн. Антоненко, чин. М. Токарев, В. Григорьев, П. Якубинский, А. Мосидзе и пр.; причем некоторые присвоили себе казачье название чинов, и все, со свойственным им нахальством, именуют себя казаками.

Гг. русские! Не пачкайте вы своими грязными делами чистого казачьего имени. Убирайтесь вы к своим братьям и вместе с ними укрепляйте вашу московскую жизнь. Нас же оставьте в покое, т. к. мы на протяжении многих веков устраивали свою жизнь сами; вы нам ее всегда только разрушали. Вам не под силу разобраться в нашей вольно-казачьей жизни, т. к. вам чуждо понятие свободы и равенства.

Между прочим, в одном из разговоров со мвой, г. Сазонов сообщил, что когда это постановление выйдет в русской печати, то он обязательно привлечет к судебной ответственности г. Протопопова, который якобы лично подписал 35 казачьих фамилий без ведома их владельцев.

А теперь скажите, пожалуйста, вы, русские казаки, г. г. Ф. Калмыков-Дьяченко, А. Юрченко и А. Плетнев: если вы действительно ставите казачью честь выше личных обид, то почему в 1932 году у вас не пробудились казачьи честь и достоинство, когда, благодаря ложным докладам г. г. Коцовского и Протопопова местным властям, общий чисто казачий сход для слушания казачьей истории не был разрешен, а затем этими же лицами была опубликована ложная и оскорбительная статья по моему и других лиц адресу, тоже как офицеров и казаков.

Почему поступок г. г. Коцовского и Протопопова не оскорбил вашего казачьего имени и не унизил его авторитет, в то время, когда, по сообщению ур. Плетнева, ваша легитимная группа, по секрету и заранее, была оповещена указанными лицами о том, что местной властью общее собрание казаков не будет разрешено.

По моему, ваш поступок умышленного молчания, а не мой в самозащите, унизил казачью честь и достоинство, а равно оскорбил казачье имя и унизил его авторитет, и в особенности в сильной степени в день назначенного схода, когда вы, г. г. Калм.-Дьяченко и А. Юрченко, подло, не по-казачьи, спрятавшись за углами подобно г. Протопопову, ждали с нетерпеливой радостью вакрытия схода, а затем собрали своих единомышленников и повели их на русское собрание, причем по дороге почти все рядовые казаки разошились, не желая слушать чуждую им лекцию.

По вашему, г. г. Коцовский и Протопопов имели право лгать и наши чисто казачьи дела, искажая, переносить в кабинеты местных властей и на страницы русской прессы, а я не имел права, как пострадавший. Интересно, как бы вы реагировали, если бы вам кто-либо публично плюнул в лицо. По вашему, вы бы утерлись и с заискивающей улыбкой пожали бы руку благодетелю.

Всем вам хорошо было известно, кто послужил началом и причиной судебного дела, но, по своей урожденной подлости, вы и в этом покривили душонками.

Что касается моей политической деятельности, то не вам быть моим судьей, т. к. мы разных понятий: вы привыкли делать то, что ваш барин скажет, а я свободолюбивый и горячо люблю только свое родное казачье, почему я и не могу оторваться от казачьей массы, идущей по историческому, чисто казачьему пути, а не по русской указке. Благодаря этому, я провожу не свою лично и не чуждую казаку работу, как вы, а угодную казачьей массе не русского толка.

Гг. легитимисты — полк. П. Бузин (был тогда легитимным атаманом), сотн. Ф. Калм.-Дьяченко, шт.-кап. А. Сазонов-Шеховцов, и Р. О. В. С. ес. Коцовский, ес. Чумак-Чумаков, под'ес. Зазорин, вы, как свидетели, „кривили“ и на суде, где, в защиту г. Протопопова, привлекавшегося за ложь и оскорбление в печати, ни слова не сказали и все время вестойчиво старались уклонить суд в сторону моего и других лиц сепаратизма, по вашему якобы вредного для всех народов. На все ваши нападки все мы, кроме ген. Ф. Данилова, не протестовали, что мы сепаратисты; зачит, признавали себя такими, чего вы не могли не знать, как свидетели. Очевидно вы, составляя постановление, следовали примеру г. К.-Дьяченко, который перед судом заявил двум кубанцам, что он ничего не знает, но на суде, если понадобится, то и под присягой покажет против меня то, чего не видел и не слышал.

О том, чья станица мифическая и состоит из мертвых душ, покажет недалекое будущее, о чем я постараюсь вам напомнить.

Да, г. г. Ф. Калм.-Дьяченко и А. Юрченко, вы, скрывались, подобно страусу, за спинами казачьей массы (которую А. Юрченко при разговорах называл шпаной бозмозглой), хотели отомстить за свое исключение из станицы, но еще больше обмазали себя грязью, в особенности г. К.-Дьяченко, у которого и руки обладают свойством магнита. Кроме того, что он поперебывал в разных политических партиях из за корыстных целей, присвоил себе и Кубанское войсковое имущество, остатки которого, папиросную бумагу, и до сих пор продает из под полы, в чем местными властями и был пойман, как нарушитель закона страны.

Составление упомянутого постановления отношу исключительно к указанным выше лицам; что же касается подавляющего числа рядовых казаков, то, по их личному мне заявлению, некоторые из них были обмануты, а некоторые и не подписывали постановления, почему я их абсолютно ни в чем и не виню.

Не могу обойти молчанием и газету „Казачий Набат“, с которой впервые познакомился благодаря помещенному постановлению.

Поразило меня весьма убогое содержание газеты. Почти весь номер заполнен советской галиматьей и детскими потугами самого „издателя“ и его сотрудников убедить казачество, что оно одно и то же, что и младороссы, а потому и должно признать вел. кн. Кирилла Вл. своим законным императором.

По Сеньке шапка, а по читателям — газета „Качачий Набат“.

П. Недбаевский.

Югославия.

В Париже.

(На собрании казаков-младороссов).

1-го ноября случайно зашел на собрание к казакам-младороссам, которые, как оказалось, устраивают свои собрания в будни, избегая воскресных дней.

Всех собравшихся казаков-младороссов было 10, из коих три считают себя сами казаками: 1. Покотило

Группа кубанских казаков в Пирее (Греция) в день Покрова Пресвятыя Богородицы. Сидят (справа): Н. Пруцкий, Л. Зинченко, З. Максимов. Стоят: Вишницкий, К. Бузин. Е. Дементьев (астрах.), Г. Рогаль, Г. Глоба, Д. Самискин и И. Вишницкий.

— сын быв. Нак. Ат. В. Донского, очевидно, считает себя казаком по праву „атаманских привилегий", 2. Чоп, Тер. Каз. В., но казаки по каким-то причинам в нем не признают терца, 3. шт.-кап. Тарасенко. Таким образом, из вышеуказанных 10 было 7 казаков и 4 посетителя (со мною). Шт.-кап. Тарасенко являлся председательствующим лицом и как бы дирижером собрания; вычитывал распоряжения, касающиеся млад. казачьего очага. Пришлось услышать, что во главе казочага стоит не атаман, а что-то подобное волостному старшине.

После распоряжений по очагу, младор. Чоп читает „структуру устройства профессиональных организаций и соцсоветов". Один из присутствующих казаков, которому, очевидно, в печенки в'елись колхозы и совхозы, не выдержал и проговорил: „Это чисто по советски". Несдержанному казаку мл. Цымлянский, он же войск. старш. Дружакин, ответил: „Да, да, это по советски".

Произошла „заминка" в чтении, и занялись беседой, в каковую вмешался ген. Алпатов, очевидно, желая как бы стушевать происшедшее: „Мы, казаки, сыны России, должны знать, как будет строиться Россия", заговорил Алпатов.

Несмотря на бдительность „дирижера", беседой увлеклись и из области всевозможных профессиональных союзов перескочили в область административную, и по казачьей административной части в об'яснение вступил тот же шт.-кап. Тарасенко.

Допуская, что Войск. Ат. будет избираться на В. Круге, он, Тарасенко, в то же время подчеркнул, что „Войсковой Атаман будет утверждаться императором".

После того, как шт.-кап. об'яснил из области административной, снова перешли к чтению, с остановками на непонятных местах для уяснений и раз'яснений всей младоросской хитрости. Некоторые из посетителей продолжали задавать председательствующему вопрос за вопросом, предлагая мл. казакам „стать на казачью почву". В разговор снова вмешался ген. Алпатов и спрашивает у своих собеседников: „Что значит, стать на казачью почву?" По поятиям генерала, на казачью почву стать невозможно потому, что „мы, казаки, говорим на русском языке и экономически существовать не можем". По словам Алпатова, это привело бы казаков „в рабство", в все взятое „к самоубийству".

В это время в подвальное помещение, где было собранне младороссов, спускаются две фигуры, а я инстиктивно подумал, не „политруки"-ли?

По экономическому вопросу казачьих Войск, на помощь обессилевшему генералу приходит шт.-к. Тарасенко и заявляет: „Я прочитал брошюру Трофимова". По его словам „много сказано о богатствах казачьих областей", словно „разложен товар", и тут же ставит вопрос: „Но почему-то иностранцы товар не покупают..." На этом и этим закончил шт.-к. по экономическому вопросу „о богатствах казачьих областей".

Ген. Алпатов говорит о своем визите к ген. Богаевскому, куда он ходил с мл. Соратник. По словам Алпатова, придя к ген. Богаевскому, визитер сказал: „мы считаем Вас, ваше превосходительство, законным Войсковым Атаманом и поддерживаем вас".

Интересная шутка или просто насмешка, ибо в 1926 г. ген Алпатов наряду с другими генералами требовал на Зар. С'езде безоговорочное подчинение Николаю Николаевичу всего Казачества, а ген. Богаевского не признавал за законного атамана (См. „Вестник каз. Союза" № 4, 1926 г., стр. 20).

Передавая свою беседу, ген. Алпатов говорит, что ген. Богаевский интересуется младоросским движением, и что он не осуждал младоросское движение, как это было напечатано в статье „Казачий праздник" (см. „П. Н." № 4598), и добавил: „Я даже вашу станицу утвердил". „Казачьему С'езду ген. Богаевский не придает той силы, как В. Кругу, и с'езд не будет решать больших существенных вопросов".

В перерыве собрания услужливые каз. младороссы сейчас же обратились к тем двум вошедшим (русского покроя!), каковые предложили заняться „разговором на политическую тему" с каз. посетителями. „Политруки", подсев к двум казакам, вступили с ними в разговор „на политическую тему", но один из „политруков" принужден был быстро ретироваться, в силу „крутого поворота" старика-казака, у которого, очевидно, колхозы и совхозы все содержимое выели. Зато второй „политрук" продолжал доказывать казаку, кто уничтожает Казачество и, дав волю слов течению, доказывал, что „Казачество уничтожает не русский народ, как вы говорите, а жиды"...

Споры разгорались, и особенно спорил лигист К. с млад. Дружакиным. Первый, в доказательство своей правоты, предлагал второму программу лигистов для изучения, а второй отвергал программу из-за неустойчивого политического поведения г. Карева...

Как видит читатель, младороссы больше кричат о своих „успехах", чем имеют их в действительности.

2-XI-33 г. (Соб. кор.).

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! •

Наполеоновский Конгресс в Праге.

С 23 по 28 октября в Праге состоялся Наполеоновский конгресс под протекторатом Чехословацкого Военного Министра, при участии Правительства и дипломатического корпуса. На нем присутствовали представители научных, военных и дипломатических сил, а также и представители искусства. В качестве представителя Вольного Казачества, на Конгрессе присутствовал ген.-лейт. Т. М. Стариков.

Первая встреча всех участников Конгресса состоялась при торжественной обстановке в национальном музее. Там же был осмотрен Наполеоновский отдел: картины, грамоты и др. предметы, относящиеся к его жизни и деятельности.

Предметы выставки помещались в 5 прекрасных залах палаца Клам-Галасова на Гусовой улице. Всех предметов было выставлено свыше семисот.

На выставке были картины, документы и др. предметы, относящиеся к Корсике, к юности Наполеона, французской революции, к эпохе консульства и Империи, к Русско-Французской войне, к острову Ельбе, битве при Ватерлоо и св. Елене, а также многочисленные предметы, относящиеся к жизни сына Наполеона, известного под именем „Орленка“ и умершего в ранней молодости в Вене.

25 октября в Сметановом зале был устроен концерт Чешской филармонии, на который были приглашены участники конгресса; присутствовали они и в городском театре на Виноградах, при постановке пьесы Э. Ростана „Орленок“, занимая первые ряды и имея на груди особые Наполеоновские знаки, которые носились ими на всех собраниях и церемониях.

Работа Конгресса была открыта Военным Министром Брадачем В. После этого начались доклады об эпохе Наполеона, его жизни и деятельности, продолжавшиеся три дня. Всех докладов было сделано до 20. В них говорилось о войнах Наполеона, о его тактике и стратегии, о континентальной системе, о влиянии Наполеоновских идей на государства и народы и пр. Прочитал доклад и ген. Сидорин о „Наполеоне и политике Александра I“.

В субботу участники конгресса присутствовали на военном параде, устроенном по случаю Национального праздника в память Освобождения Чехословакии, возложили венок на могилу Неизвестного Солдата и затем были приняты городским Головой г. Праги в городской Ратуше.

Закончился Конгресс торжественным банкетом, на котором были, между прочим, показаны национальные танцы всех славянских народов, произведшие на гостей большое впечатление.

В Казакии.

Письма из родного Края.

1. Пишет сестра:

„Дорогой братец, мы пока живы и здоровы, но у нас все забрали — пшеницу и весь скот; больше чем в 200 дворах в один день поднялся плач с утра до вечера, как будто в каждом доме умер человек. Волос дыбом становился. Плакали те, у кого забрали, и плакали те, за которыми была очередь. Некоторые грворили: наверно пришел свету конец... Но это все прошло, хотя и остались без куска хлеба и в слезах...

Наступает церковный праздник 22 октября — Казанской иконы Божией Матери. Зазвонили в церкви в колокол, народ начал приходить в церковь, но безбожники поспешили остановить колокольный звон, взяли топоры и пилы и полезли на церковь; начали снимать главы и кресты и сбрасывать вниз. Люди, пришедшие в церковь, все плакали. Когда работу окончили на верху, пошли в церковь и стали снимать иконы и все выносить и складывать в кучу, а потом принесли соломы и все иконы подожгли. Народ рыдал, но всех разгоняли по домам. На ночь поставили стражу из одного человека (из окрестных хуторов). Ровно в 12 ч. ночи он, т. е. сторож, услышал женский плач и увидел свет (в церкви не было ни одной лампадки).

Рыдающий голос восклицал: „Боже мой, Боже мой, что вы наделали!“ Сторож, конечно, испугался, побежал в совет, т. е. наше нажитое веками станичное правление и доложил обо всем; собралось несколько милиционеров... Да, огонь горит и голос тот же... Со взведенными курками винтовок двинулись они к церкви. Да, действительно, видят свет и слышат голос. Только они одну ногу поставили, все прекратилось.

На утро безбожники собрались и обсудили, потом заказали строго никому не говорить об этом, но мужичек, когда пришел домой, рассказал своей жене. Жена пришла в станицу и рассказала одной подруге, а от подруги узнали все, и вся станица уверила, что это было видение Божией Матери“...

2. Второе письмо, пишет мать:

„Дорогой сынок, мы уже старые и наверно нам не придется больше видеть вас, а потому просим тебя, нельзя ли через Американский Красный Крест уехать к вам, за границу, ведь мы совсем пропащие люди, мы скоро должны умереть с голоду, у нас есть нечего, да и сеять нечего, и не на чем пахать... Ходят девчата и подростки за Армавир, больше ста верст, где находятся большевицкие колхозы, и там собирают зерно по полям и приносят домой. Первое время удавалось, а после начали разгонять плетями. Когда приносили кукурузу, варили и ели, а часть оставляли на семена; копали огороды и садили“...

3. Пишет мать:

„... Пришли милиционеры и заявили нам, чтобы готовились с отцом на высылку Пригнали еще пять семей, с которыми мы должны вместе выселяться. Дали сроку неделю. Через неделю, в субботу приходят и говорят: „вы по своей старости остаетесь, но через три часа освободите дом“... Мы взяли свои вещи и пошли к своей дочери. Дочь, конечно, нас со слезами встретила, наплакались вдоволь и примирились. Через три дня, смотрим, приходит милиционер, вручает повестку на 50 руб. продналога. Отец говорит: „Откуда я возьму, меня же всего три дня как из дома выгнали“.- Он отвечает: „Я ничего не знаю, где хотишь, там и возьми“... Опять плач... На утро посоветовались, и отец ушел пешки на Черн. берег, в село... Там работают сын и зять на каменоломне. Говорит, заработаю 50 руб. и уплачу продналог“.

4. Письмо от сестры: „... Папашу и брата нашего Петра арестовали и пригнали в станицу. У отца нашего не было документа, а у брата был просрочен. Три дня подержали. Брату переменили документы, он уехал обратно, а отец заболел“...

5. Через несколько месяцев получаю письмо от сестры:

„... Папаша наш умер... Брат Петро приезжал проведать отца. Только он в дом зашел, его сейчас же арестовали и допрашивали целых три дня, зачем он приехал. Он говорит: „Отца приехал проведать, он лежит при смерти“.

„А кто тебя уведомил, что отец больной?“

Он говорит: „Сестра написала, я и приехал“...

„Ну, удирай“, говорят, „на место“... И он сейчас же и уехал, а через несколько дней отец умер...

Дорогой братец, у нас не было досок на гроб, но я пошла в отцовский дом и попросила двери с амбара. Спасибо, человек был хороший, что стоял в доме, хоть дал двери с амбара... И похоронили мы своего папашу...

Кто был, все плакали, что скоро и за нами очередь придет. Скоро потому, что ни куска хлеба нет в доме... А сестра М. жила в лесу со своим мужем и с семейством; было у них всего, сейчас большевики узнали и забрали все до зерна, даже тыквы и картофель на подводах увезли... Вот какая у нас жизнь..."

6. Через несколько времени получаю письмо от матери:

„Дорогой сынок, я сейчас осталась одна, не к кому головушку приклонить, хожу, голодная, от одной дочери к другой, но ведь и у них тоже нет ни куска хлеба. Попросила я сыночка Петра, чтобы он мне помог; он, спасибо ему, через несколько дней прислал мне 200 руб., но я только расписалась, мне их не выдали, негодяи... Что я буду делать, не знаю, наверно придется умереть с голоду. Ходила я, ходила и плакала, но Москва слезам не верит..."

7. Получаю от зятя письмо; он пишет, что: „доживаем последнее время, мы то едим, что раньше свиньи наши никогда бы не ели, а теперь мы стали вместо свиней. Хлеб родит хорошо, но его нам не дают. Давали нам по пуду на душу, а некоторым по два, а бедняку дают по 6 пуд. на душу, т. е. мужикам, а мы все время ходим по степи, целыми днями собираем колосья, зерно вечером варим и едим. Вот какая наша жизнь... Извини, что плохо написал, иду на проклятую работу."

8. Вот еще письмо от сестры:

„Дорогой братец, мама наша умерла с голоду, послали телеграмму Петру, его не пустили похоронить мать! Он нам после сообщил в письме: „Меня не пустили; это, говорят, обман..." Боже мой, как мы мучились, ни одного мужчины не было дома, даже гроба сделать не кому, а в каждом доме есть люди, но они нам чужие, не хотят даже и слушать о умерших...

Дорогой братец, вот до чего мы дожили..."

С тех пор, т. е. от Троицы, никаких писем не получаю, живы ли остальные, — ничего не известно, хотя я и писал уже три письма...

Эти письма (зима 1932—33 года) из станицы К. Куб. В. сообщил **В. Ф.** (Франция).

По страницам „Молота".

15 октября передовая на тему: „Прекратить позорное отставание края в зернопоставках" кончается так:

„Партия не может терпеть дальше такой позорной работы. Должны быть выжжены малейшие проявления успокоения, благодушие в рядах партийной организации и в первую очередь у самих руководителей. Край вошел в наиболее ответственный период. Мы должны суметь переключить огромное количество людской силы, тягла и машин на ликвидацию отставания в осеннем севе. Мы должны в ближайшую пятидневку убрать с полей весь хлеб. Это надо для того, чтобы не нести большие потери, это надо для того, чтобы освободить площади под посевы. Наконец, мы обязаны к 7-му ноября завершить полностью хлебопоставки государству и закончить расчеты по натуроплате с МТС..."

В том же номере „приказ": „Закончить в кратчайший срок скирдование всего необмолоченного хлеба!.. Провести повторное сгребание и собирание колосьев и организовать в дальнейшем переобмолот недоброкачественно обмолоченной соломы".

В Ейском районе „стена благодушия и огромные потери"...

В Изобильно-Тищенском районе „бездеятельность прикрывается дождем"...

Но „хуже всего в Донской МТС"...

А на второй странице меланхолический вопрос: „где же настоящая борьба за табак?"...

16 октября: „В Матвеево-Курганском районе неочищенные поля задерживают посевные работы".

17 октября в Кущевском районе „демобилизация и балансовая лихорадка, вместо борьбы за хлеб"...

„На 10 октября в Староминском районе оставалась в валках и копнах пятая часть урожая колосовых — свыше 17 тыс. га."

18 октября „передовая" признается:

„Зерносовхозы края попрежнему самый отстающий участок. Из 619.592 гектар колосовых совхозы обмолотили всего лишь 343.194 гектара, из необмолоченного количества хлеба в скирдах находится 147.554 гект. в валках 42,925, в копнах 8.176. Имеется еще нескошенного хлеба 5.224 гектара.

К особо отстающим зерносовхозам относится Белоглинский, Кубанский, Егорлыкский, Тихорецкий, Павловский, Крапоткинский, Тимошевский, совхоз „Гигант" и др. В этих совхозах почти половина всех хлебов не убрана и большая часть этих хлебов находится под реальной угрозой гибели. Безобразно в этих же совхозах обстоит дело с хлебосдачей. Так, например, Белоглинский совхоз выполнил всего лишь 8 проц. годового плана, Павловский 12, Кубанский 10 „Гигант" 23...

21 октября узнаем, что „засеяна только половина озимого клина".

В Ейском районе „в копнах пасется скот"...

22 октября: „Староминский, Кущевский, Павловский и Тихорецкий районы за пятидневку не дали ни одного процента прироста хлебосдачи..."

В Краснодарском районе „предательская демобилизация и спекуляция на отсрочках срывают хлебосдачу"...

В Кущевском районе „на полях работает только треть колхозников"...

23 октября передовая кричит: „Все силы и средства на скорейшее окончание хлебопоставок и сева!"...

„Невиномысское районное руководство позорно демобилизовалось в хлебосдаче"...

В Старо-Минском районе „резолюции пекут, как блины, а воз ни с места"...

24 октября: „В Медвежинском районе практическую борьбу за темпы и качество сева подменяют словесной трескотней..."

В Брюховецком вайоне „на токах осело 1500 тонн хлеба, а на элеватор сдают десятки"...

26 октября передовая „напоминает": „Закон о хлебопоставках — тверд и нерушим!.. Сейчас, как никогда, требуется максимальное напряжение в борьбе за полное выполнение плана хлебосдачи"...

„В Павловском и Крапоткинском районах либеральничают со злостными нарушителями трудорой дисциплины на полях..."

В Павловском районе „одной только кукурузы стоит на корню 16500 га".

---

15 октября: „Новые мартены отстают"...

„Шахты продолжают снижать добычу"...

„Заводы края не готовы к зиме"...

17 октября „печалуются": „Вагоны без документов, документы без вагонов"...

„Обменные пункты под ударом: возмутительная свистопляска в вопросе снабжения запасными частями..."

24 октября: „На станциях Ейск и М. Воды притупилась бдительность!.. Минводский узел к зиме не готов"...

Почему гибнет табак?

(„Картинка" из „М." от 22 октября).

— Людей не хватает, — разводит руками заврайЗО Мартынов.

То же говорит и председатель РИК'а тов. Николаев. К этому же стыдливо, обходными тропинками приходит и секретарь райкома партии тов. Колосов.

Нет людей — на этом коньке едут низовые работники Северского района, об'ясняя медленный ход уборки табаков (62,9 проц. плана на 15 октября). Наиболее предприимчивые руководители колхозов высылают даже „за людьми" ходоков в другие колхозы и станицы.

Недостатком рабочей силы об'ясняют в Северском районе и гибель 500 гектар непрополотого табака, задушенного сорняками, и высыхание на корню 5-10 проц. табаков, и слабое пасынкование и вершкование табаков. Этим же пытаются оправдать и те потери, которые несет затяжка с уборкой табаков.

*

Председатель колхоза тов. Рыскаль, красный партизан, один из организаторов этого колхоза в ст. Львовской, стал председателем всего лишь с 25-го сен-

тября. До него два года „руководил“ колхозом белогвардеец, скрывший свое пребывание в белой армии. Он до того обнаглел, что, когда его разоблачили и выгнали из колхоза, подал в правление заявление с требованием „уплатить двухнедельную компенсацию, по скольку я уволен без предупреждения и не по собственному желанию“.

Этот „уволенный не по собственному желанию“ белогвардеец совершенно развалил в колхозе трудовую дисциплину. Тов. Рыскаль на первых же порах своей работы столкнулся с таким, например, фактом: колхозники Косович, Горовский, Дымченко и Дмитров бросают самовольно работу, и молотилка целый день простаивает. Косович здоровый, румянец во всю щеку, плечистый парень. Когда председатель спрашивает почему он бросил работу, Косович переминается с ноги на ногу, что-то бормочет, а потом вдруг выпаливает:

— Я, тов. Рыскаль, больной, не могу работать на молотилке! У меня... задышка!

Рыскаль, да и все присутствующие удивленно смотрят на крепыша Косовича. По лицам колхозников проскальзывает улыбка:

— А справка у тебя есть? — спрашивает Рыскаль.

— Есть!

— Ну, покажи!

Парень роется в карманах пиджака, брюк, но потом вдруг тихо говорит:

— Да у меня на станции украли!

— А гроши не украли?

— Гроши — нет! — ухмыляется разоблаченный симулянт.

Симулянт Косович в колхозе не один. Некоторые лодыри считаются даже ударниками, например, Якименко Зиновий. Его на днях премировали ботинками, а сегодня он, бросив колхозную работу, пошел с женой собирать ягоды — терен — и увел за собою еще 45 колхозников.

Вот четвертая бригада, — говорит тов. Рыскаль, — постановила сегодня всенародно снять с него премированные ботинки...

*

Вид табаков ярко подтверждал сводку о ходе уборки по колхозам Львовского совета и, в частности, по колхозу „Путь к социализму“. На 12 октября план по сельсовету был выполнен на 61 проц., по колхозу „Путь к социализму“ на 59 проц. Всего было посажено в колхозе 225 га, почти ни одного гектара не пасынковали — и табак дает всего 5 центнеров с га в то время, как соседний Пороно-Покровский колхоз „Революция“ собирает 11 центнеров с гектара.

Об'яснения все те же: „не хватает людей“.

В колхозе „Путь к социализму“ 871 трудоспособных. На табачные плантации должно выходить 420 чел., на самом же деле, как правило, выходит не более 278 чел.

Руководители колхоза говорят, что, мол, много людей болеет малярией.

Мы остановились около четырех девчат-колхозниц, ломающих табак.

— Какая бригада, дивчата?

— Звено ломальщиц второй бригады.

— Сколько же вас должно было выйти сегодня на работу?

— 30 человек.

— А где же остальные?

— А вот в той полоске еще четверо!

— Четыре да четыре — восемь. Где же остальные 22?

— Управляются с коровами да по хозяйству! Скоро, может быть, придут.

— А вы давно пришли?

— Да нет, — только халаты одели!

— А почему так поздно?

Дивчата пересмеиваются. Потом одна, что побойчее, говорит:

— Да мы низали табак дома...

— Почему же в Пороно-Покровском колхозе дивчата затемно выходят ломать и затемно уходят? У них уже план выполнен, а у вас гибнет половина урожая, гибнет ваш доход?

— Бригадир не загадывает выходить на ломку... Мы выходим, как управимся дома.

Расхлябанность в колхозе „Путь к социализму“ такая, что в пятой и шестой бригадах, где гибнет табак, единственную пару лошадей, оставленную для перевозки табака, 10-го октября бригадир Калейников Михаил забрал для перевозки к нему на дом собственного сорго.

Такой же случай повторился 11-го октября и во второй бригаде, вследствие чего сломанный табак бригада оставила гнить на поле.

Среди отсталой части колхозников сильны еще кулацкие, мелкособственнические пережитки. Организаторской же политико-воспитательной работы в массах нет. Лучшая часть колхозников не поднимается против лодырей и симулянтов. И вина в этом самих колхозных руководителей и — нечего играть в прятки, — самих районных руководителей, которые покрывают лодырей и симулянтов своими криками о нехватке людей.

— А что мы сделаем, — беспомощно заявляет т. Рыскаль, — если люди не выходят на работу? Вот, например, Соломенная и Лобачева уже другую неделю не выходят на работу. У них есть свои кабаки, капуста, все продукты...

*

При возвращении с поля мы повстречались с бригадиром четвертой табачной бригады тов. Недик.

— Сколько у тебя ломают и нижут сегодня?

— Я не подсчитывал, в сарае занимался учетом. Четвертая бригада убрала только 17 тыс. шнурков из 31 тысячи. Это за два месяца!

— А сейчас быстрее нижешь?

— Нет, медленнее, народу нет!

— Сколько же тебе надо, чтобы убрать табак?

Бригадир молчал, смущенно отвел глаза в сторону.

— Так выходит, до мороза табак не уберешь?

— Выходит — нет!

— Ты говоришь — людей нет. А норма у тебя вырабатывается?

— Не знаю.

Оказывается, в этой бригаде на человека, вместо девяти шнуров, убирают только семь. Есть и такие, которые в день дают два шнура, например, Богуславская Василиса.

*

В табачных сараях, где должна итти низка табака, нет никого, ни одной души. Часть табака валяется на земле, теряя свое качество. Где же табачники? Они по-домам! Лодыри и симулянты придумали новый „фортель“, и на него пошли руководители: табак развозят по домам колхозников и там его нанизывают. Конечно, работа идет абы-как. За день еле-еле вырабатывается половина того, что надо.

Этот „метод“ работы создает почву для расхищения табака, и его растаскивают громадными партиями...

Картинка тамошней жизни.

(Из „Молота“ от 9 октября с. г.).

Склады Каневского райсоюза забиты товарами. 20 тысяч стаканов граненых и простых. Мелкие дамские галоши № 38. С наступлением осени в маганине появились в обильном количестве парусиновые туфли, летние тюбитейки и фуражки.

В третьем квартале в сельПо завезено такое количество соломенных шляп и тарелок, что, по грубым подсчетам, на каждого жителя Каневского района приходится по одной шляпе и по одной тарелке.

Лежат на складах райсоюза и на полях сельПо мертвым капиталом хомуты одинакового размера, джемперы, шелковые платья.

Комсомолка колхоза „Красный партизан“ Рощепка Вера, получив денежный аванс, направилась в центральный магазин Каневского сельПо за покупками.

В магазине Веру встретил продавец Хлевовой. Улыбаясь, он об'яснил ей:

— У нас имеется большой выбор товаров. Есть все, что только ваша душа желает!

— Да мне бы что-нибудь одеться... — говорит Вера.

— Гм... Одеться?... Есть, есть! Вот платье из чистого шелка, 110 рублей! А может, вы джемпер пожелаете? Стоимость — 55 целковых. Советую вам купить джемпер. Материал „довоенного" качества.

— Нет, мне бы шаль купить или пальто осеннее, попроще.

— Такового нет у нас.

— А ботинки есть? — допытывалась Вера.

— Ботинок тоже нет.

— И галош глубоких нет?

— Нет.

— А соль есть у вас?

Вера попросила кило соли. Продавец сделал любезность, свесил кило соли, на счетах положил 10 коп. и прибавил еще рубль девять копеек.

Вера, следившая за действиями продавца, удивленно спросила:

— А за что еще 1рубль девять копеек?

— Это за тарелку — пояснил продавец. Я даю ее вам в нагрузку.

Как правило, все недоходные мелкие товары в районе идут колхозникам в нагрузку. В магазине на хуторе Мигуты много шляп. И что бы колхозник ни покупал — зав. маг. Чернышев дает в нагрузку шляпу.

Председатель райсоюза Воротников и завторготделом Подбельцев, вместо решительной борьбы с извращениями советской торговли, делают вид, что не замечают безобразий.

На 20-е сентября квартальный план выполнен на 52 проц.

Председатель Каневского сельПо Денисенко невыполнение плана по товарообороту в третьем квартале об'ясняет отсутствием торговли хлебным вином.

Совершенно не уделяют внимания работе сельПО территоториальные парт-ячейки. В станице Челбасской за полтора месяца сменилось три председателя сельПО.

„Черная доска".

30 октября в „М." на „черной доске":

1. Обливский район.
2. Ново-Покровский район.
3. Родионо-Несветаевская МТС.
4. Марьино-Зольская МТС.
5. Егорлыкский зерносовхоз.
6. Колхоз „Пятилетка в 4 года".

Родионо-Несветаевской МТС, Новочеркасского района.

Кандидаты на „Черную доску" —

„районы и МТС, позорно срывающие сев и хлебосдачу, тянущие край назад":

Районы:

1. Морозовский.
2. Старо-Минской.
3. Тихорецкий.
4. Крапоткинский.
5. Ново-Александровский.
6. Мин.-Водский.

МТС:

1. Егорлыкская, Сальского района.
2. Песчанокопская, Белоглинского района.
3. Поливенская, Сальского района.
4. Ново-Батайская, Азовского района.
5. Албашская, Каневского района.
6. Старо-Минская, Старо-Минского района.
7. Вешенская, Вешенского района.
8. Советинская, Мясниковского района.
9. Ново-Деревянковская, Каневского района.
10. Незамаевская, Павловского района.
11. Динская, Краснодарского района.
12. Ирклиевская, Тихорецкого района.
13. Бейсугская, Кореновского района.
14. Коноковская, Армавирского района.
15. Старо-Щербиновская, Ейского района.
16. Обливская, Обливского района.
17. Чернышевская, Обливского района.
18. Еянская, Н.-Покровского района.

(„М." 30 октября).

В Морозовском районе.

Десятки, сотни колхозников Морозовского района сегодня идут в лавки сельПО, чтобы купить долгожданные обновки и товары. Готова ли кооперация Морозовского района встретить этих новых потребителей?

Увы! Продавцы, как правило, пренебрежительно отвечают на все вопросы покупателей:

— Ботинок? Нет.

— Пальто? — Зима еще далеко.

— Платья? — Нет...

— Кроватей? — Вы что — с неба свалились?

И так далее.

Как же и чем торгует Морозовская кооперация?

Правление Морозовского сельПО (председПО Луковкин) раскрепило магазины по бригадам и считает, что на этом его работа и закончена. Комсомольский магазин, прикрепленный к третьей бригаде колхоза „Пламя революции", выезжает туда 1—2 раза в месяц и то не с брюками, ботинками и сапогами, а только с табаком и папиросами.

Брюки, сапоги, платки и ботинки в комсомольском магазине и в магазине № 1, правда, бывают, но чтобы не возиться, их продают кому придется, в том числе и спекулянтам. На следующий день брюки, рубашки, ботинки и т. д. появляются на базаре и колхозники вынуждены покупать их у спекулянтов втри дорога.

Не лучше работают и другие сельПО. В Платовском магазине Верхне-Свечниковского сельПО нет мануфактуры, обуви и одежды и других крайне необходимых колхознику вещей. За то стаканов и разной галантереи лежит на 2.402 рубля вот уже второй год. Заведующий маг. Кислов отсиживается в магазине без дела. Колхозники ежедневно приходят в магазин, приносят с собой по 100-200 рублей, но купить на эти деньги нечего, и, справедливо ругая кооперацию, они возвращаются домой ни с чем.

Недавно колхозники одной из передовых артелей Морозовского района „Пламя революции" избрали делегацию лучших ударников — Луковского и Ананьевой и послали ее в райпотребсоюз узнать, когда же будут товары.

Пред. райпотребсоюза Калитвянский беспомощно развел руками.

— Мы должны были в третьем квартале сделать товарооборот на 3 миллиона рублей, но выполнили это задание только наполовину, — сказал он.

— А почему же в сельПО нет товаров?

Предрайпотребсоюза снова разводит руками. Это, видите ли, — дело сельПо. Пусть собирают заказы на товары от колхозников, передают заказы в межрайбазы и получают товар. Мы опустили директиву...

На межрайбазе, куда заглянули колхозники, их глазам представилась удивительная картина. База с полу до потолка забита товарами; костюмы на 30-40 рублей, брюки на 12 рублей, сапоги, ботинки, рубашки, платья, мануфактура. Всего много и все по недорогим ценам.

— Почему же к нам не привозят эти товары? — спросил колхозник-ударник Луковской.

В ответ управляющий базой Савченко сослался на отсутствие заявок и попытался уверить, что всему виной сложный путь получения товаров из кожсбыта, швейсбыта, хлопкосбыта и т. д.

— Мы же, — закончил он, — только получаем заявки и по этим заявкам раздаем.

(„М." 30 октября).

Розыск.

Андрей Абрамович ГОРБУШИН, казак ст. Григориполисской, Лаб. отд., разыскивает сына НИКОЛАЯ. Знающих его адрес просит сообщить по адресу:

К. А. Карнаухов, Парачин. Jugoslavija.

Открыта подписка на 1933 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Č.S.R. 1 корунову знамку, из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ing. Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930.
Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.